

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ВОСТОЧНОГО ЛАТЕНА
И ПОЗДНЕГО ПРЕДРИМСКОГО ВРЕМЕНИ*

1. О терминах и цели работы

Термин „латен” (далее – ЛТ), ведущий свое происхождение от названия деревни Ла Тен на берегу Невшатальского озера в Швейцарии, где были найдены первые вещи „второго кельтского железного века”, применяется в двух значениях. В широком – для обозначения длительного (V – I вв. до н. э.) периода общевропейской хронологии, с подразделением на отдельные ступени, и в узком – для обозначения тех же ступеней собственно кельтской культуры. После выхода в свет в 1961 г. монографии Р. Хахмана [63], в которой исследовалась относительная хронология памятников, оставленных некельтским населением Северной и Восточной Европы, объединяемых в круг „латенизированных” культур II–I вв. до н. э., развивавшихся в несколько ином ритме, чем собственно кельтская культура, термин „латен” в широком смысле стал применяться реже. Для круга „латенизированных” культур (ясторфской во всех ее вариантах стадий Рипдорф и Зеedorф, оксывской, шеворской, поянешти-лукашевской и зарубинецкой) используется теперь термин „позднее предримское время” (далее ППВ). Чтобы подчеркнуть латенизированность, „кельтскую вуаль” названных культур, М. Б. Щукин предложил название „североевропейский латен” (NELT) [105, р. 25–26]. Неизвестно, привьется ли новая терминология, и мы будем пока использовать хахмановскую.

Латенские, кельтские, импортные изделия и их дериваты не только являются ведущими хронологическими индикаторами для упомянутых культур, но имеют существенное значение и для хронологических определений ряда других культур Восточной и Центральной Европы – поморской,

скифской, гетской, милоградской, днепродвинской, штрихованной керамики, где обнаружены отдельные вещи этого рода.

Естественно, исследователям восточноевропейских памятников приходится то и дело обращаться к хронологии латенских древностей. Происходит это не всегда достаточно корректно, поскольку имеются различия в трехчленной хронологической системе западного ЛТ, основанной на работах Й. Дешелетта [48], и в четырехчленной системе относительной хронологии восточного ЛТ, восходящей к работам П. Рейнеке [101], трудно различимые для неспециалиста, но существенно влияющие на датировку тех или иных типов вещей или групп памятников. За отсутствием обобщающих трудов не всегда удается вникнуть во все детали имеющихся расхождений между разными системами хронологии ЛТ, что приводит иногда к определенным неувязкам.

Таким образом, назревает необходимость изложения современного состояния европейской хронологии ЛТ и ППВ, а также указания на степень обоснованности абсолютных датировок ступеней и фаз этой хронологии. Кроме обобщения работ европейских исследователей, мы выскажем и некоторые собственные соображения, опустив при этом проблему соотношения систем западного и восточного ЛТ, рассмотренную недавно, хотя и в очень сжатом виде, А. Дювалем [51], и сосредоточимся на более важной для нас восточной части.

2. Из истории исследования хронологии латена

Определенное обобщение состояния изученности хронологии ЛТ и историографии проблемы уже проделано в монографии М. Б. Щукина [105, р. 18–22, 226–228] и в нашей совместной статье, рассчитанной на европейского читателя [104], поэтому мы

* Работа была написана в 1993 г., и авторы не вносили в нее изменений.

5-заострим внимание лишь на некоторых наиболее существенных моментах истории изучения вопроса, насчитывающей уже более 100 лет.

Современная хронология восточного ЛТ базируется на разработках П. Рейнеке, уточненных и дополненных В. Крэмером, Ф. Р. Ходсоном, Х. Поленцом и Й. Буйной [77; 68; 98; 43]. Она применяется для исследования памятников, расположенных между Рейном и Дунаем на территории средней, северной и юго-восточной Европы, а также в Баварии, Австрии и Тюрингии, и построена П. Рейнеке с помощью корреляционного метода изучения закрытых комплексов – погребений. Тем же методом сделаны и последние ее уточнения, предложенные Й. Буйной [43]. В ее рамках предпочтение отдается исследованию относительной хронологии. Это дало возможность синхронизировать фазы отдельных могильников по интеррегиональным типам вещей и построить общеевропейскую систему относительной хронологии, в которую достаточно полно включаются не только практически все материалы восточного ЛТ, но и многие группы памятников ППВ. Количество „выходов” этой системы на хронологию абсолютную невелико, но определенные данные все же имеются: это и узко датированные античные импорты, и изображения кельтского оружия и украшений на деталях декора архитектурных сооружений, время постройки которых известно, и синхронизация археологической периодизации с данными письменных источников о передвижениях кельтских племен, и дендрохронологические определения, и находки монет.

Были предложены и базирующиеся на принципиально иных посылках хронологические схемы – например, искусствоведческая [71; 87; 89] и историческая периодизации. Последняя, разработанная Я. Филипом [54], оперирует периодами доисторической и исторической экспансии кельтов, среднесвропейской консолидации, расцвета и упадка оппидумов и т. д. Для их археологической иллюстрации предложены „горизонты” духцовских фибул, фибул с шаром на пятке, расчлененных фибул и т. д.

В принципе эти горизонты соответствуют ступеням П. Рейнеке, но у Я. Филипа они соотнесены с периодами кельтской истории [54, с. 219–223], что привело к ряду противоречий [105, р. 19].

Систему Я. Филипа применили для исследования кельтских памятников юго-восточной Европы З. Марич, Й. Тодорович, и М. Домарадзкий [86; 50; 108, с. 112–115]. Ими сделан целый ряд безусловно ценных историко-археологических наблюдений, но попытку Я. Филипа создать „смешанную” историко-археологическую периодизацию восточного ЛТ вряд ли можно признать удачной, поскольку использование принципа датировки комплекса „по самой поздней вещи” в сочетании с пониманием типов как строго последовательной во времени цепочки вещей привело к значительному сдвигу абсолютных датировок вверх по сравнению с П. Рейнеке [105, р. 19, 21].

На работу Я. Филипа опирался Р. Хахман, исследовавший относительную хронологию ППВ. Его начало он отнес ко времени около 120-х гг. до н. э., отметив, впрочем, недостаточную обоснованность абсолютной даты [63, S. 255]. Благодаря работам Ю. В. Кухаренко [20; 21; 22] и А. К. Амброза [1; 2] а также Д. А. Мачинского [26; 27], хронологическая система Я. Филипа получила широкое распространение в советской археологической литературе, в которой предпочтение отдается тоже типологическим, а не корреляционным методам, абсолютным, а не относительным датировкам [44, р. 288–289].

„Сопротивление” фактического материала датировкам Я. Филипа начало ощущаться довольно скоро. Это показали как хронологические исследования собственно кельтских памятников в различных частях Европы, так и возникшая проблема определения ранней даты латенизированных культур – зарубинецкой и поянешти-лукашевской [105, р. 19–24]: на поселениях этих культур были обнаружены амфорные ручки с клеймами 220–180 гг. до н. э. (рис. 7), а наиболее ранние фибулы из погребений могильников по схеме Я. Филипа – Р. Хахмана были отнесены Ю. В. Кухаренко

к концу II в. до н. э. Возникло „амфорно-фибульное противоречие” [25, с. 106–116], которое не могло быть разрешено выдвижением гипотезы о существовании „дофибульной” стадии зарубинецкой культуры [19]. Выявились также противоречие дат Я. Филипа скифской хронологии: браслеты с рубчиками ЛТ В₁–В_{2а} (рис. 2: 22 и 3: 1, 6, 7) оказались в скифской культуре более ранними (IV в. до н. э.), чем в латенской (III в. до н. э.) [22, с. 36, 40; 114, S. 133]. Начался постепенный пересмотр абсолютных датировок Я. Филипа и возврат к схеме П. Рейнеке, итоги которого для собственно латенских памятников и центральноевропейских латенизированных культур подвел К. Годловский [58], а для зарубинецкой культуры – К. В. Каспарова [13; 15; 17; 18].

В наших хронологических исследованиях за основу принята система относительной хронологии восточного ЛТ, предложенная Й. Буйной [43], так как она является наиболее подробной. Но его абсолютные датировки, опирающиеся на статью Х. Поленца 1971 г. [98], в настоящее время во многом устарели. К. Годловским были предложены другие [58, с. 33–66], к которым позднее пришел и Х. Поленц [97, S. 116–128]. Поэтому при выяснении того, какие данные для установления абсолютных дат ступеней ЛТ имеются в нашем распоряжении, мы будем опираться на абсолютные датировки К. Годловского с некоторыми коррективами.

Для наглядности схема развития восточного ЛТ представлена в графической форме (рис. 1). Линии, отделяющие ступени ЛТ друг от друга, идут по шкале времени наискосок, что отражает длительность перехода между ними: любая граница, проведенная в непрерывном потоке постепенных изменений материальной культуры, может быть лишь весьма условной. Система хронологических индикаторов, характеризующих ступени ЛТ, не отличается исчерпывающей полнотой (рис. 2–5; 8: 1–19; 7): выбраны вещи интеррегиональные, а также те, аналоги которым известны на территории бывшего СССР. Время бытования каждого типа не всегда полностью совпадает с соответствующей ступенью, может выходить за

ее пределы. Учитывалось лишь основное время бытования, на которое приходится максимум находок. Более точные хронологические определения читатель может найти в цитируемой нами литературе.

3. Индекс хронологических индикаторов латена

ЛТ А – это время возникновения раннелатенского художественного стиля с его антропоморфными и зооморфными мотивами [87, р. 32–33; 89; 58, s. 23–31]. В этом стиле выполнены золотые и бронзовые браслеты и гривны из богатых погребений „княжеской” аристократии с печатевидными окончаниями [105, part I, ill. 2], оружие и фибулы с антропоморфными и зооморфными изображениями (рис. 2: 3–6) [75]. Почти все изделия уникальные, повторяющихся форм мало, и сходство между ними чисто стилистическое. Характерны ажурные поясные крючки (рис. 2: 7) с богатой орнаментацией, из более простых вещей – фибулы типа Марцаботто (рис. 2: 2) и мечи с антропоморфными навершиями (рис. 2: 5), которые, однако, в виде ритуальных вещей существуют вплоть до позднего ЛТ [95]. Встречаются в комплексах ЛТ А и являющиеся пережитком гальштатской эпохи фибулы типа Чартоза (рис. 2: 1).

Переход от гальштата к ЛТ А был достаточно длительным. Он диагностируется двумя комплексами. Первый – погребение в Вике в Бургундии, содержащее еще позднегальштатские вещи, датирующееся по античным импортам 530–520 гг. до н. э. [72; 73; 58, s. 30]. Второй – погребение в Кляйн Аспергль с вещами, характерными уже исключительно для ЛТ А, дата которых опять-таки по античным импортам определяется временем около 450-х гг. до н. э. [92; 58, s. 30]. Этим промежутком и может быть датирован переход от гальштата к ЛТ, обозначаемый как ступень ЛТ А₁ (рис. 1). Остаточные гальштатские традиции доживали на некоторых территориях и до конца V в. до н. э. [49; 93; 117]. Таким образом, ЛТ А подразделяется на ЛТ А₁ и А₂, и гра-

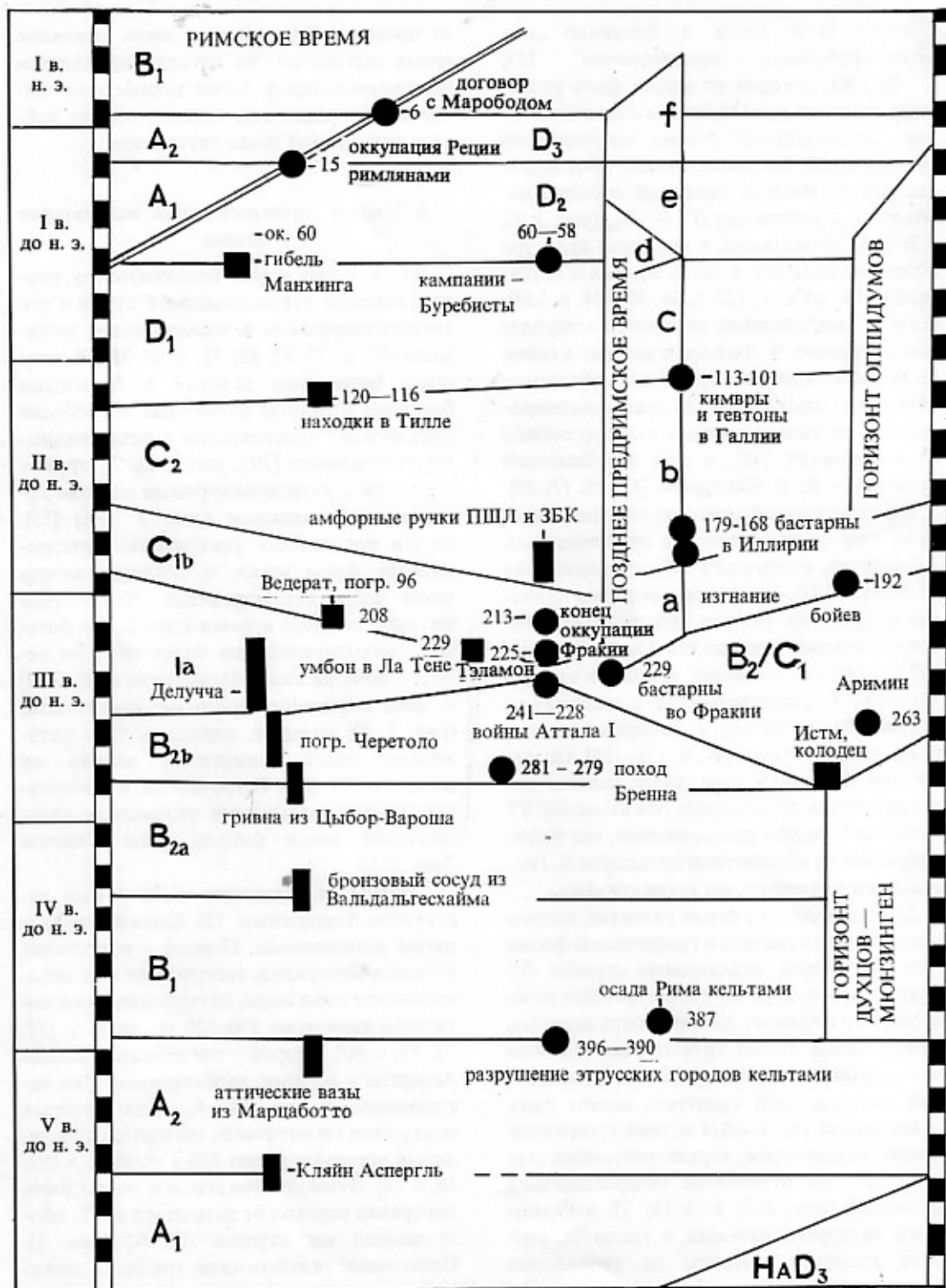


Рис. 1. Современное состояние хронологии латена и позднего предримского времени (по К. Годловскому, Й. Буйне, Р. Хахману с поправками авторов)

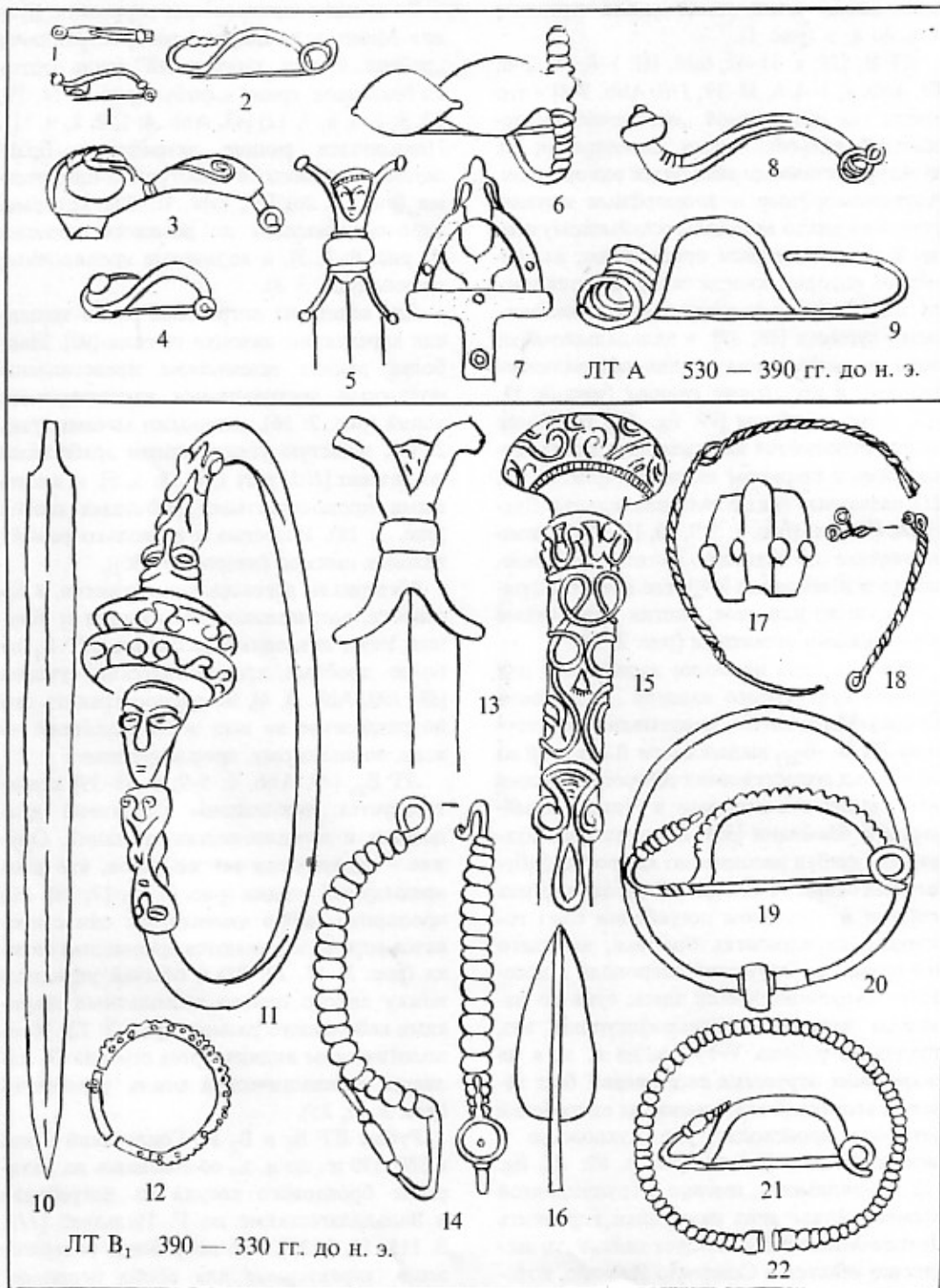


Рис. 2. Хронологические индикаторы раннего латена

ница между ними лежит около середины V в. до н. э. (рис. 1).

ЛТ В₁ [58, s. 31–42, tabl. III: 1–8, IV: 1–6; 43, Abb. 4: 1–4, 6, 38–39; 110, Abb. 3–4] – это время так называемой „исторической экспансии“ кельтов, время нивелировки их культуры, становящейся более однородной. Антропоморфные и зооморфные мотивы уступают место вальдальгесхаймскому стилю и криволинейным орнаментам, из элементов которых иногда складываются маски или фигуры фантастических „диснеевских“ существ [88; 89]: в вальдальгесхаймском и диснеевском стилях оформлялись золотые и бронзовые гривны (рис. 2: 11, 15), реже – фибулы [99, fig. 42]. Наиболее часто встречаются застежки двух типов: духцовские с шариком на ножке (рис. 2: 19, 21), названные так по находкам клада в Духцове (Чехия) (рис. 3: 5, 9, 10, 13) [79] и мюнзингенские (по названию могильника Мюнзинген в Швейцарии [69]), где вместо шарика – колечко или диск, иногда украшенные коралловыми вставками (рис. 2: 14).

Эти два типа наиболее характерны для особого культурного явления – горизонта Духцов–Мюнзинген, охватывающего ступени ЛТ В₁–В_{2а}, выделенного В. Крутой на основании сопоставления североиталийских материалов с находками в Чехии, Швейцарии и Шампани [83]. Прототипами духцовских фибул несомненно являются фибулы типа Марцаботто (рис. 2: 2): одна из них найдена в этрусском погребении близ городка в окрестностях Болоньи, носящего это название. Этрусский некрополь и поселение функционировали здесь, судя по находкам аттических краснофигурных ваз, вплоть до рубежа V–IV вв. до н. э., а на развалинах этрусских сооружений был заложен кельтский могильник, из погребений которого происходят уже духцовские и мюнзингенские фибулы [83, p. 82; 81, fig. 12]. По-видимому, именно с группировкой племен, оставивших памятники горизонта Духцов–Мюнзинген, следует связывать экспансию кельтов в Северную Италию, которая началась разрушением этрусских городов в 396–390 гг. до н. э. и осадой Рима в 390 или 387 г. [83, p. 82].

Во время существования горизонта Духцов–Мюнзинген широко распространяется „рубчатый“ или „гусеничный“ стиль отделки браслетов, гривн и фибул (рис. 2: 14, 19, 22; 3: 1, 4, 6, 7, 12) [43, Abb. 4: 1, 2, 8, 9, 11]. Появляются ранние экземпляры браслетов с тройными выступами-шипечками (рис. 3: 20) [86, tabl. II: 20], которые, впрочем, доживают до римского времени [7, рис. 8: 1, 3], и волнистые проволочные гривны (рис. 3: 8).

Для кельтских погребений эпохи экспансии характерны находки оружия [90]. Наиболее ранние экземпляры представлены широкими листовидными наконечниками копий (рис. 2: 16), длинными мечами (рис. 2: 10), зачастую украшенными арабесками по лезвию [105, part I, ill. 3: 5, 6], и железными продолговатыми умбонами щитов (рис. 3: 18). Известно и несколько ранних находок шлемов (например, [80]).

Материалы некоторых памятников, в частности, могильников Мюнзинген и Янушев Уезд, позволяют разделить ЛТ В₁ на более дробные хронологические ступени [69; 100, Abb. 3, 4], но распространять это подразделение на всю восточнолатенскую зону, по-видимому, преждевременно.

ЛТ В_{2а} [43, Abb. 4: 5–9; 6: 38–39] характеризуется дальнейшим развитием духцовских и мюнзингенских традиций. Оружие – практически тех же типов, что и на предыдущей стадии (рис. 3: 14, 17, 18). Но пропорции фибул изменяются: они становятся короче, появляются арковидная спинка (рис. 3: 15, 19, 22) и обычай украшать ножку вместо одного несколькими шариками небольшого размера (рис. 3: 22). Хронологическим индикатором ступени В₂ является и пластический стиль украшений (рис. 3: 21, 25).

Рубеж ЛТ В₁ и В₂ К. Годловский отнес к 380–370 гг. до н. э., основываясь на датировке бронзового сосуда из погребения в Вальдальгесхайме по Г. Цальхаас [115, S. 115; 58, S. 31]. Это погребение содержит вещи, характерные для обоих периодов. В результате время существования ЛТ В₁ у К. Годловского оказалось исчезающе мало, что не согласуется с большим количе-

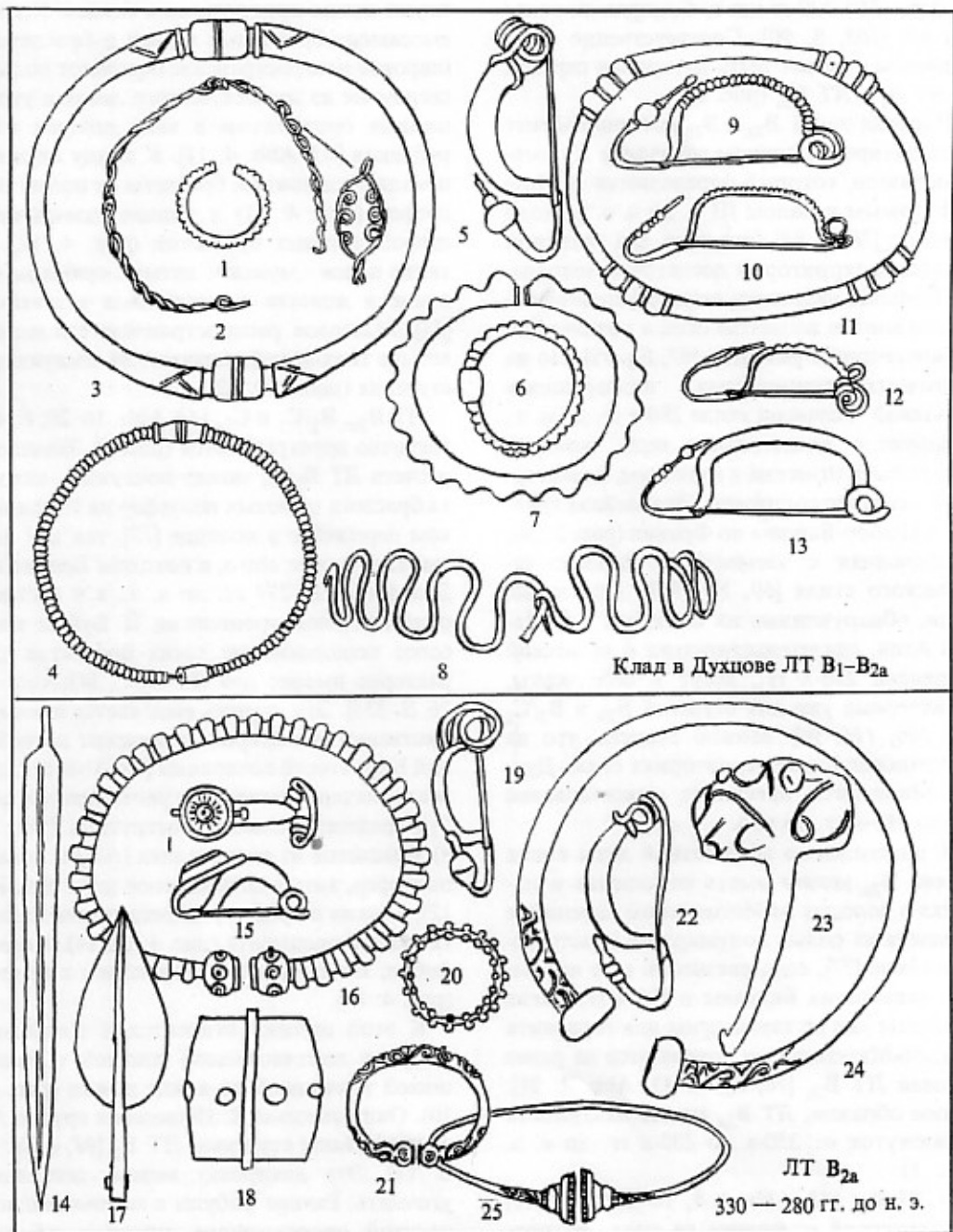


Рис. 3. Хронологические индикаторы раннего латена (продолжение)

ством памятников. В. Ширинг предложил другую, более приемлемую для нас дату сосуда – 340–320 гг. до н. э., „вряд ли ранее 332 г.” [103, S. 90]. Соответственно этим временем и может быть датирован переход от ЛТ V_1 к ЛТ V_{2a} (рис. 1).

Переход от ЛТ V_{2a} к V_{2b} косвенно может быть датирован концом горизонта Духцов-Мюнзинген, который определяется В. Крутой „самым началом III в. до н. э.”, около 290-х гг. [78, p. 84]. Эта дата для западных кельтских территорий достаточно условна. В Шампани, например, стиль Духцов-Мюнзинген вполне жизнеспособен и позднее, дает новые линии развития [67, fig. 11]. Но на восточных территориях, подвергшихся кельтской экспансии после 280-х гг. до н. э., обнаружена единственная вещь, которая может быть отнесена к изделиям, характерным для этого горизонта. Это шейная гривна из Цыбор-Вароша во Фракии (рис. 3: 24), выполненная с элементами вальдальгесхаймского стиля [60, Nr. 217]. Остальные вещи, обнаруженные на Балканах и в Малой Азии, свидетельствующие о кельтской экспансии 280-х гг., несут в себе черты, характерные уже для ступеней V_{2b} и V_2/C_1 [77; 106; 116; 96]. Можно считать, что на восточнокельтских территориях стиль Духцов-Мюнзинген прекратил существование около 280-х гг. до н. э.

К определению абсолютной даты конца латена V_{2a} может иметь отношение и находка в колодце на Истмийском перешейке браслета из полых полушарий в пластическом стиле [77], если связывать ее с прорывом кельтов на Балканы в 280-х гг. Такие браслеты уже не характерны для горизонта Духцов-Мюнзинген и появляются не ранее ступени ЛТ V_{2a} [78, fig. I: 43, Abb. 4: 21]. Таким образом, ЛТ V_{2a} может охватывать промежуток от 330-х до 280-х гг. до н. э. (рис. 1).

В ЛТ V_{2b} [43, Abb. 4: 8, 10–21; 6: 40–41] в Карпатской котловине на смену духцовским приходят так называемые „пауковидные” фибулы (рис. 4: 5) [55] с расширенной овальной спинкой. Доживающие до этого времени фибулы духцовской конструкции приобретают большой шарик на ножке

и утрачивают рубчатое оформление спинки (рис. 4: 4). Появляются и экземпляры, у которых ножка прикреплена к спинке. Кроме массивных бронзовых гривен и браслетов, широкое распространение получают полые, свернутые из металлического листа и украшенные орнаментом в виде розеток или рубчиков [43, Abb. 4: 11]. К концу ступени появляются ножные браслеты из полых полусфер (рис. 4: 11) и ранние экземпляры сапропелитовых браслетов (рис. 4: 12), а также пояса – мужские витые с крючком на конце и женские с эмалевыми вставками [53]. Массовое распространение последние четыре типа вещей получают на следующих ступенях (рис. 4: 9, 22).

ЛТ V_{2b} , V_2/C_1 и C_{1a} [43, Abb. 16–28; 6: 42] частично перекрываются (рис. 1). Началом отсчета ЛТ V_2/C_1 может послужить находка браслета из полых полусфер на Истмийском перешейке в колодце [77], так как она связана, скорее всего, с походом Бренна на Дельфы в 280/279 гг. до н. э., а в системе относительной хронологии Й. Буйны массовое использование таких браслетов характерно именно для ЛТ V_2/C_1 [43, Abb. 4: 26, S. 334]. Эта ступень выделяется преимущественно на материалах женских погребений Карпатской котловины [43, Abb. 2]. Для нее характерно появление расчлененных фибул среденелатенской конструкции (рис. 4: 8), браслетов из сапропелита [102] и полых полусфер, витых поясов-цепей (рис. 4: 9, 11, 12), а также широкое распространение пластического орнамента (рис. 4: 11, 14). Ножки фибул, как правило, прикреплены к спинке (рис. 4: 14).

К этой ступени относится и появление фибул с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой на конце ножки (рис. 4: 10). Они отнесены К. Пешлем к группе A_2 и датированы ступенью ЛТ V_2 [94, Abb. 4, S. 16]. Эту датировку можно несколько уточнить. Ранние фибулы с ложечковидной спинкой, происходящие, вероятно, от „пауковидных”, обнаружены в Говора Сат и Каревце и отнесены З. Возьяком к ЛТ V_2 [114, гус. 6: 3, 4, s. 70]. Но у них не пружинка, а шарик на конце ножки. О том, что время бытования фибул с фальшивой пружинкой

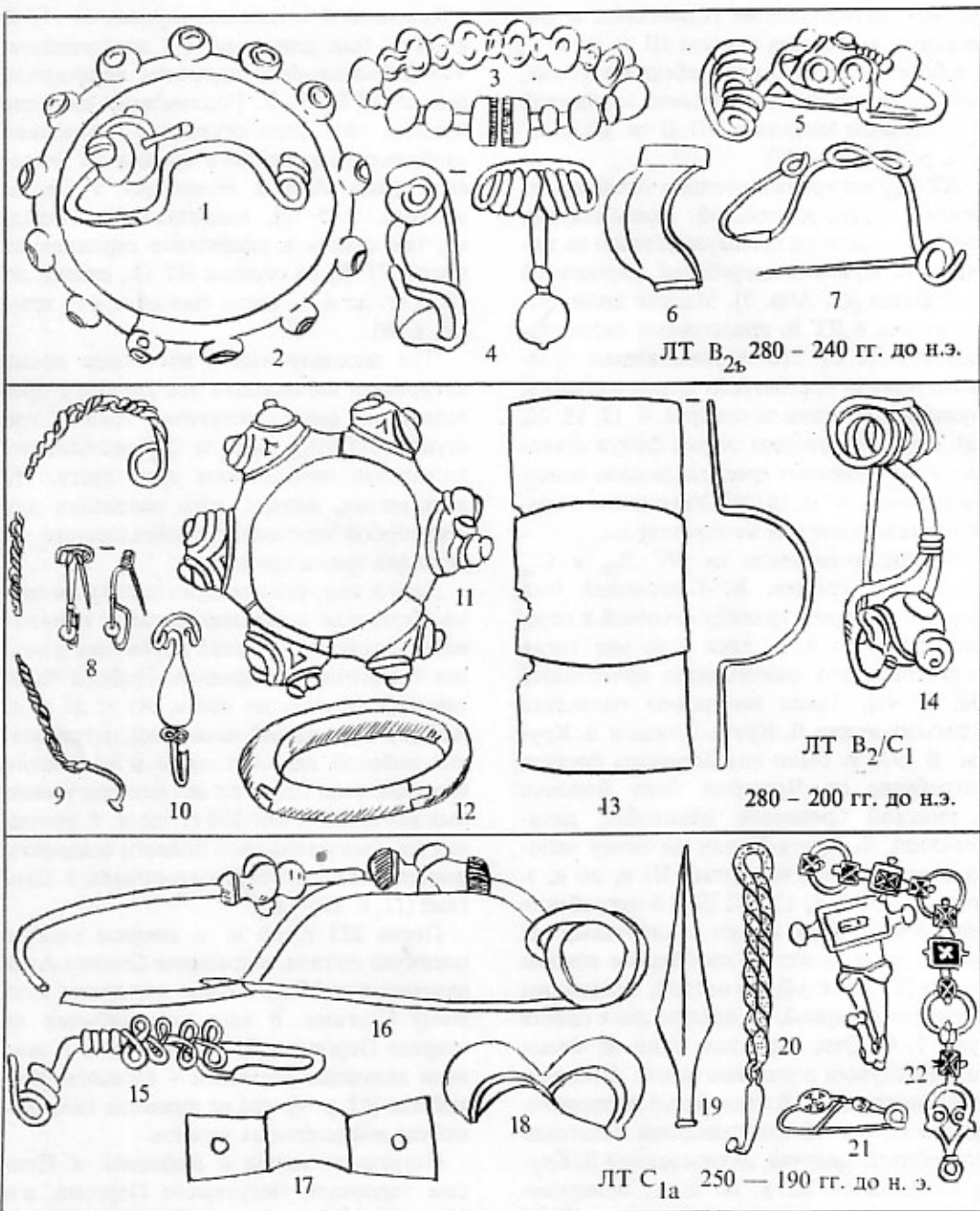


Рис. 4. Хронологические индикаторы перехода от раннего латена к среднему

жинкой несколько позднее этих экземпляров, свидетельствуют их находки в слое Истрии, датированном родосскими и фассосскими амфорами концом III в. до н. э., и в богатом женском погребении в Томах, датированном эллинистической керамикой и бронзовым зеркалом „III–II вв. до н. э.” [116, p. 189, 191–192].

ЛТ C_{1a} синхронизируется с началом периода средневропейской консолидации кельтов и выделен преимущественно на материалах мужских погребений Карпатской котловины [43, Abb. 3]. Многие типы, появившиеся в ЛТ В, продолжают существовать и в ЛТ C_1 : это сапропелитовые браслеты, ножные браслеты из полых полусфер, мужские и женские пояса (рис. 4: 12, 18, 20, 22). Господствующим типом фибул становятся расчлененные среднелатенские конструкции (рис. 4: 15, 16, 21). Украшения в пластическом стиле уже не характерны.

Вопрос о переходе от ЛТ B_{2b} к C_{1a} достаточно сложен. К. Годловский был склонен относить границу ступеней к середине III в. до н. э., хотя и не мог тогда подкрепить это фактическим материалом [58, s. 43]. Такие материалы оказались в распоряжении Л. Крута-Поппи и В. Круты. В 1979 г. было опубликовано богатое погребение из Черетоло близ Болоньи с римской бронзовой ойнохойей, датированное Л. Крута-Поппи по всему набору вещей второй четвертью III в. до н. э. (рис. 5: 1–3, 5, 6, 13, 14) [83]. В погребении обнаружена пара фибул с шариками на ножке, одна из них со свободным концом ножки [83, fig. 4: 14], а у второй, в основном идентичной первой, он прикреплен к спинке (рис. 5: 6). Это, вероятно, один из самых ранних случаев появления новой, скрепленной конструкции. В следующей хронологической группе североиталийских кельтских погребений, Делучча, датированной В. Крутой серединой III в. до н. э., обнаружены уже типично среднелатенские фибулы (рис. 5: 12), близкие варианту А по Костшевскому [76, Abb. 1], которые в Центральной Европе и Карпатской котловине появятся позже, на ступени ЛТ C_{1b} [81, fig. 8–9; 43, Abb. 4: 31].

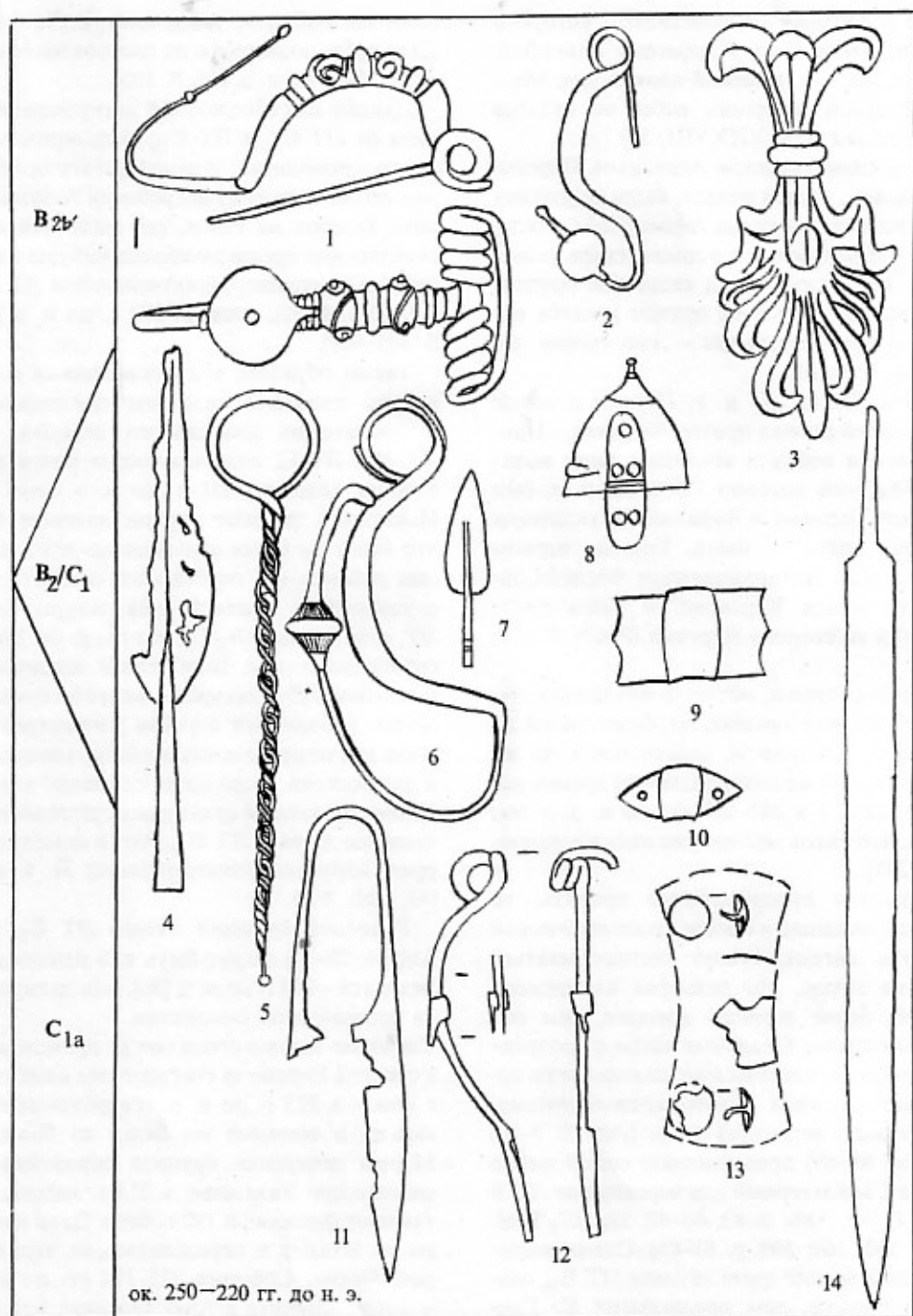
Если в Северной Италии ЛТ C_{1a} начинается в середине III в. до н. э., то на востоке, в Карпатской котловине, переход от ЛТ В к ЛТ С был длительным и постепенным, что и фиксируется наличием переходной стадии ЛТ B_2/C_1 . К. Годловский в качестве *terminus ante quem* ступени B_2 привлекал изображения кельтского оружия на рельефах храма Афины Никофоры в Пергаме (рис. 5: 7–10), подразумеваемая, очевидно, тем самым и длительное переживание вещей ЛТ B_2 на ступени ЛТ C_1 , вплоть до 180-х гг. до н. э., когда был построен храм [58, s. 39].

При используемых в настоящее время датировках согласовать эти данные с приведенными выше достаточно трудно: три ступени ЛТ (B_{2b} , B_2/C_1 и C_{1a}) практически полностью перекрывают друг друга. На наш взгляд, однако, есть основания для некоторого удревления изображенного на рельефах храма оружия.

Дело в том, что накануне постройки храма Пергам не одерживал никаких крупных побед, наоборот – терпел поражения в войнах с Понтом и Вифинией. Победы были значительно раньше: это в 241 г. до н. э. Аттал I Пергамский начал свое царствование победой над Антиохом и союзными ему галатами. Затем он вел еще ряд успешных кампаний в 240–230 гг. до н. э. против них же, увековечив свои подвиги созданием знаменитого храмового комплекса в Пергаме [11, с. 136–137].

После 223 г. до н. э. военное счастье покинуло Атталла, и преемник Селевка Ахей завоевал всю Малую Азию и подошел к самому Пергаму. В ходе этих событий на стороне Пергама в 218–216 гг. до н. э. воевали кельтские наемники – айгосаги фракийские [82, p. 9], что не принесло скольнибудь значительных успехов.

Неудачные войны с Вифинией и Понтом подорвали могущество Пергама, и в 201 г. до н. э., вступая в борьбу с Филиппом V Македонским, Пергам был вынужден обратиться за помощью к Риму и Родосу. Римляне в 197 г. до н. э. разбили Филиппа при Канискефалах, а в 192 и 190 гг. при Фермопилах и при Магнезии нанесли пора-



ок. 250-220 гг. до н. э.

14

Рис. 5. Некоторые вещи из погребения Черетоло 1878 г. и изображения кельтского трофейного оружия на рельефах храма Афины Никофоры.

1-3, 5, 6, 13, 14 - Черетоло, погр. 1878; 4, 11 - Делучча, погр, 205; 7-10 - рельефы храма Афины; 12 - Марцаботто

жение и Антиоху III, советником которого был изгнанный из Карфагена Ганнибал. В 189 г. до н. э. римский полководец Манлий Вульсон совершил набег на галатов Малой Азии (Liv. XXXVIII, 37).

Из военных успехов союзников Пергам, безусловно, извлёк пользу, были основания и для возведения храма Афине Победительнице – Никофоре – с упомянутыми рельефами, изображающими кельтское оружие. Но вряд ли трофейное оружие галатов попало в руки пергамцев – оно скорее досталось Машино.

В 182–179 гг. до н. э. Пергам в союзе с Вифинией воевал против Фарнака I Понтийского и войну в конечном счете выиграл. Мирный договор 179 г. до н. э. был в пользу Пергама и Вифинии, но галатских трофеев опять не было. Ещё на первом этапе войны поддерживавшие Фарнака галатские вожди Карсигиат и Гейзаторикс перешли на сторону Пергама (Polyb. XXIV, 8, 9).

Таким образом, остается предположить, что образцами оружия, изображенного на рельефах, послужили, скорее всего, те же трофеи, которые сохранились со времен побед Аттала I в 241–228 гг. до н. э. – тем более, что такое мнение уже высказывалось [6, с. 291].

Если это предположение принять, то данные, лежащие в основе хронологической системы латена, станут согласовываться гораздо лучше. На рельефах изображено оружие более раннего времени, чем постройка храма. Овальные щиты с продольным ребром, листовидные наконечники копий, шлемы типа Монтефортино (очевидно, раннего варианта) и др. (рис. 5: 7–10) [99, fig. 88–89] представляют собой набор оружия, характерный для перехода от ЛТ В к ЛТ С [43, Abb. 5: 43, 46–47, 52; 107, Tabl. IV, s. 362, 364; 100, p. 85–86]. Следовательно, terminus ante quem ступени ЛТ В_{2b} окажется раньше, чем предполагал К. Годловский (рис. 1).

Если могут быть верны дендрохронологические определения не по целому спилу дерева, то определенную привязку ЛТ С_{1a} к абсолютному счету времени может дать

один из умбонов, найденных в Ла Тене. Дата дуба, пошедшего на изготовление щита, – 229 г. до н. э. [66, S. 105].

Данные для абсолютной датировки перехода от ЛТ С_{1a} к ЛТ С_{1b} дает опять-таки дендрохронология. Анализ остатков обуглившегося дерева из погребения 96 могильника Ведерат на Рейне, где были найдены скрепленные среднелатенские фибулы с шариками на спинке, характерные для ЛТ С_{1b} [43, Abb. 4: 30], показал 208 г. до н. э. [66, S. 405–409].

Таким образом, мы сталкиваемся с довольно сложным явлением постепенного и достаточно длительного перехода от ЛТ В к ЛТ С, охватывающим почти всю вторую половину III в. до н. э. (рис. 1). Именован ли этот период латеном С_{1a}, что было бы более справедливо для западных районов и в особенности для Италии, а также для мужской субкультуры всего ЛТ, или латеном В₂/С₁, что было бы более справедливо для Карпатской котловины и женской субкультуры, – вопрос терминологии. Можно эти ступени рассматривать и как два параллельных явления для запада и для востока. Ясно одно: сложение нового облика латенской культуры отчетливо проявляется лишь в ЛТ С_{1b}, что и демонстрируют корреляционные таблицы Й. Буйны [43, Abb. 2–3].

Условной границей начала ЛТ С_{1b} [43, Abb. 4: 29–37] может быть или дендродата Ведерата – 208 г. до н. э. [66], или датировка на историческом основании.

Сложение нового стиля могло происходить в средней Европе за счет притока населения с юга – в 225 г. до н. э. североиталийские кельты и союзные им белги из бассейна Марны потерпели крупное поражение от римлян при Таламоне, в 213 г. кельты оставляют Фракию, в 192 г. бои были изгнаны из Италии и переселились на территорию Чехии. События 225–192 гг. до н. э. и могли привести к тому явлению, которое Я. Филип назвал „периодом среднеевропейской консолидации кельтов“, сопоставимому с ЛТ С_{1b} [105] (рис. 1). Других данных для определения этой ступени в нашем распоряжении нет.

В ЛТ C_{1b} сапропелитовые браслеты заменяются сложнопрофилированными стеклянными (рис. 6: 5) [65]. Начинают украшать шариком или диском не только ножку фибулы, но и место ее соединения со спинкой (рис. 6: 8) [74]. Появляются наконечники копий „дволистной“ формы (рис. 6: 2, 3) и новые варианты подпрямоугольных умбонов (рис. 6: 4), фибулы с шариками на спинке, ранние проволочные фибулы с двумя восьмерковидными петлями на спинке [94] и копьевидные (рис. 8: 1–5), а также варианта А по Костшевскому (рис. 8: 3)*.

На ступени ЛТ C_2 фибулы утрачивают „расчлененность“. На базе варианта А–Костшевский (рис. 6: 9) вырабатываются варианты В и С (рис. 6: 12, 13). Характерная форма начала ЛТ C_2 – фибула типа Мёчвиль (рис. 6: 14) – такие известны в поздних погребениях могильника Мюнзинген, а также фибулы типа Орнавассо (рис. 8: 9), распространенные в центральной и юго-восточной Европе и редко встречающиеся на других территориях [13, с. 109]. Сложнопрофилированные стеклянные браслеты заменяются более простыми: или с „волнистым“ орнаментом, или не орнаментированными вовсе (рис. 6: 16). Появляется графитированная керамика с вертикальными расчесами (рис. 6: 17) [41].

К ЛТ C_2 следует отнести и появление фибул неапольского варианта (рис. 6: 10) – об этом свидетельствует комплекс погребения 1865 г. в Дюрене (Верхний Баден) [97, Abb. 4: 7, 8, Taf. I, S. 58–65]. Широкое распространение получают проволочные фибулы с двумя восьмерковидными петлями на спинке (рис. 6: 18) [см. 94]. В Зимнице,

в погребении 68 такая фибула обнаружена вместе с фибулой с ложечковидной спинкой и фальшивой пружинкой на конце ножки [39, fig. I: 3, 4] ступени ЛТ B_2/C_1 (рис. 4: 10), а в могильнике Воронино – с фибулой В–Костшевский ЛТ C_2 [21, табл. 40: 15]. Таким образом, фибулы с восьмерками появились на предшествующей ступени относительной хронологии, но массовое их употребление (а также разнообразных производных вариантов – фибул с треугольным щитком и восьмерками, с восьмерками и бусиной на спинке, с восьмерками и расплющенной ножкой) приходится именно на ЛТ C_2 .

Начало ступени C_2 в абсолютных датах установить труднее всего. В нашем распоряжении для собственно латенской культуры нет никаких объективных данных. К. Годловский [58, с. 44–49] был склонен помещать начало этой ступени где-то в пределах первой половины II в. до н. э., но это определение было сугубо интуитивным.

Пока можно предложить лишь один способ приблизительно вычислить датировку начала ЛТ C_2 – через синхронизацию ЛТ и ППВ, в частности, памятников зарубинецкой культуры и типа Поянешти-Лукашевка, начальный период которых относится к ЛТ C_{1b} [10; 13; 40 и др.] и проверяется по независимым от латенской хронологии данным – по находкам ручек клейменных античных амфор (рис. 7). Косские и фассосские клейма обнаружены на поселении Пилипенкова гора средненипровского варианта зарубинецкой культуры [23, с. 40–45], а родосские – на поселениях Лукашевка II и Лунка Чурей поянешти-лукашевской культуры [31, табл. 1].

Из разработок по хронологии амфорных клейм (3, там же и литература) следует, что 220–180 гг. до н. э. – время наибольшего расцвета родосской торговли. Именно к этому периоду относится и большинство интересующих нас клейм (рис. 7). Этот сравнительно узкий интервал может быть еще более уточнен путем рассмотрения политической ситуации в Причерноморье, учитывая возможность попадания родосской продукции к бастарнам – насель-

* Для обозначения средне- и позднелатенских фибул нами используется общепринятая типология И. Костшевского [76], созданная не на собственно латенских материалах, а на фибулах латенизированных культур ППВ, происходящих от кельтских прототипов. Поэтому, с одной стороны, она включает ряд вариантов, не характерных для латенской культуры – например, F, K, L, а с другой – не учитывает ряд изделий, широко распространенных в ней, но слабо представленных в латенизированных культурах ППВ – например, фибулы типа Орнавассо, наухаймские и некоторые другие.

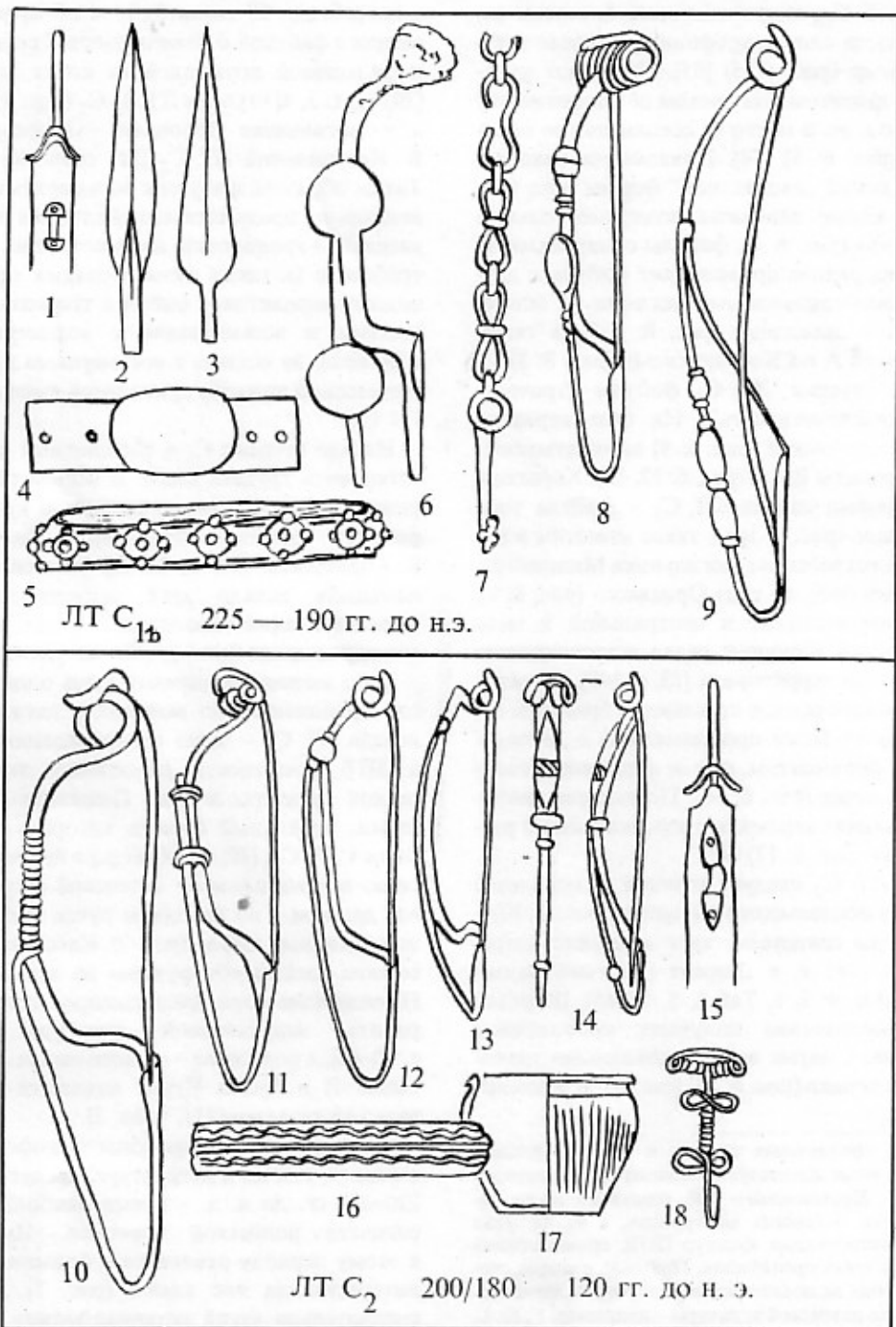


Рис. 6. Хронологические индикаторы среднего латена

никам памятников типа Поянешти-Лукашевка по торговому пути вдоль Серета через Истрию [56, р. 62].

Дело в том, что далеко не в каждый момент указанного сорокалетия провоз амфор был реален, если исключить возможность контрабанды. Так, мало реально попадание амфор в 220–219 гг., когда возник сначала конфликт Родоса и Византия, а затем Родоса и Понта [4, с. 147]. В этих условиях черноморские проливы вряд ли были доступны для родосских кораблей.

Последующие годы до рубежа III–II вв. до н. э. были бы более или менее благоприятны, особенно если допустить, что задунайский „царь” Ремакс, упомянутый в декрете Агафокла [12], пришедший на помощь Истрии, был бастарном.

Как раз в эти годы, около 216 г. до н. э., „бастарны-пришельцы” в низовьях Дуная зафиксированы Деметрием из Каллатиса (Ps.-Skimn. 103, v. 797)

Но, как видим, большинство родосских клейм относится ко времени после 200 г. до н. э. (рис. 7), а в этом году началась II Македонская война именно из-за владений Родоса в Малой Азии.

Действовали две коалиции: Филипп V Македонский и Антиох III Селевкид, с одной стороны, Родос, Пергам и Рим – с другой. В военных условиях плавание торговых кораблей в Эгейском море вряд ли было безопасным.

В 197 г. Филипп V потерпел поражение при Канисефалах и был вынужден заключить мир на тяжелых условиях. В результате Рим стал претендовать на гегемонию в восточном Средиземноморье, а Родос на долгие годы стал его союзником.

Мир продолжался до 183 г. до н. э., когда Фарнак I Понтийский захватил Синопу и сделал ее столицей своего царства. Разгорелась война, в которой против Понта воевали Вифиния, Каппадокия и Пергам, и их, естественно, поддерживал Родос, усилиями которого еще в 219 г. до н. э. была пресечена первая попытка присоединения Синопы к Понтийскому царству. Греческие города Западного Понта склонялись на сторону Фарнака [4, с. 147, 149]. Мир был

установлен лишь в 179 г. до н. э., но в том же году Филипп, готовясь к новой войне с Римом, заключил союз с бастарнами и пригласил их на Балканы якобы для борьбы с дарданами.

Став союзниками Филиппа, бастарны неизбежно оказывались противниками Рима, а соответственно и Родоса. С этого же момента их отношения с греческими городами Западного Понта становятся враждебными [4, с. 154–158]. После 179 г. до н. э. попадание родосских амфор к бастарнам, таким образом, тоже мало реально. И действительно: в Причерноморье в середине и второй половине II в. до н. э. решительно преобладает синопская продукция [4, с. 138; 61, р. 148; 5, с. 139, 141].

Таким образом, наиболее реальным временем поступления родосского вина к населенным памятникам типа Поянешти-Лукашевка был краткий мирный период между 197 и 189/179 гг. до н. э. Он и мог бы служить первой отправной точкой начала ЛТ С₂, поскольку „зарубинецкая” фибула с треугольным щитком, найденная на селище Лукашевка II, и фибулы В по Костшевскому из расположенного рядом с поселением одноименного могильника [35, табл. 7: 29, рис. 5] позволяют синхронизировать их именно с этой ступенью относительной хронологии*.

С другой стороны, К. В. Каспарова достаточно убедительно доказала, что „зарубинецкие” фибулы восходят к копьевидным балканским и, следовательно, носители зарубинецкой культуры, скорее всего, могли получить идею их изготовления при участии в походах бастарнов на Балканы в 179 и 168 гг. до н. э. [17]. Комплексы, в которых обнаружены зарубинецкие фибулы с треугольным щитком, синхронизируются с ЛТ С₂ и более поздними ступенями, следовательно, ко времени начала походов

* Следует оговориться, что памятники эти не являются самыми ранними в поянешти-лукашевской культуре и отстают на один „шаг” от могильника в Поянештах [8, с. 12]. Первая фаза эволюции Лукашевского могильника соответствует второй в Поянештах.

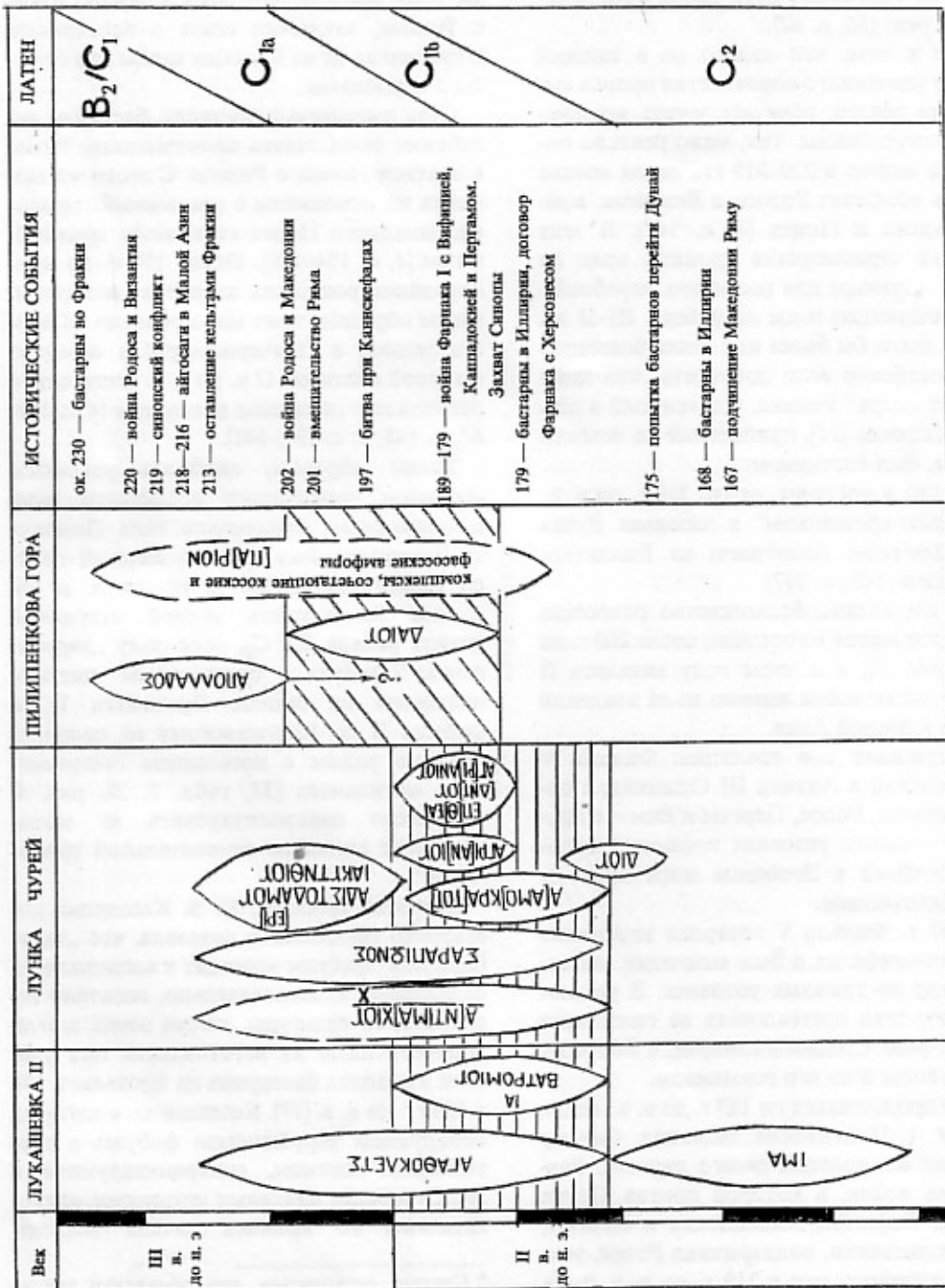


Рис. 7. Хронология клейм на амфорных ручках, обнаруженных на поселениях зарубиной культуры и типа Пояншти-Лукашевка (по С. П. Пачковой, М. А. Романовской)

бастарнов изделия ЛТ С_{1b} уже прекратили свое существование.

Что касается несколько более ранних пересечений дат косских и фасосских клейм, обнаруженных на поселении Пилипенкова Гора (рис. 7), то, очевидно, они соответствуют тому начальному периоду сложения зарубинецкой культуры, который синхронизируется еще с ЛТ С_{1b} [8, с. 13; 10].

Хронология позднего ЛТ, в отличие от предшествующих ступеней, опирается не на комплексы погребений, а на стратиграфию опидумов ввиду отсутствия археологически уловимых следов совершения погребального обряда. Горизонт опидумов начинается еще в ЛТ С₂ (рис. 1) – об этом свидетельствуют находки фибул В по Костшевскому в ранних слоях некоторых из них [109, Abb. 23], но массовое их строительство и использование приходится именно на поздний латен. В определениях позднелатенской хронологии у нас нет принципиальных расхождений с К. Годловским.

Переход от ЛТ С₂ к D₁ фиксирует дендрохронологический анализ бревен моста в Тилле (Швейцария), где все сопровождающие находки относятся к позднему латену: деревья для моста были спилены между 120 и 116 гг. до н. э. [66, S. 405–409]. Исторические события, приведшие к смене среднего ЛТ поздним, массовой постройке опидумов и исчезновению кельтских погребений, возможно, могут быть связаны с появлением кимвров в Карпатской котловине, а затем и в Галлии [105, p. 228–231]: во всяком случае, кельты, обитавшие в Нормандии, Британии и Ирландии и не испытывавшие столь сильного давления германцев, сохраняли среднелатенские традиции значительно дольше [87, p. 36].

В ЛТ D₁ [58, tabl. VII: 4–10, s. 58–59] дальнейшее развитие получают фибулы среднелатенской конструкции – появляются варианты D/E и G/H по Костшевскому (рис. 8: 8, 13). Но главной отличительной чертой становится появление „коленчатых фибул” вариантов F, K и L (рис. 8: 14–16), первый из которых – среднелатенской, скрепленной конструкции, последние два – позднелатенской, „рамчатой”. Находки

этих вариантов на собственно кельтских памятниках единичны [109, Abb. 22, 23; 111]: они более характерны для культур „северо-европейского латена” ППВ.

В собственно кельтской культуре в ЛТ D₁ широко распространяются наухаймские фибулы с треугольной спинкой (рис. 8: 11) [111], а также ложечковидные варианта J по Костшевскому (рис. 8: 12). На мечях, наряду с „колоколовидными” гардами, появляются прямые, а продолговатые умбоны щитов сменяются круглыми [105, part I, ill. 4: 57, 74]. Появляется расписная керамика [58, s. 44, 49; 47].

Переход к ступени ЛТ D₂ фиксируется событиями, происходившими около 60/58 гг. до н. э., когда бойи и тевриски были изгнаны из своих земель даками Бурбисты и двинулись на запад, где столкнулись с легионами Цезаря, воспользовавшегося этим предлогом для того, чтобы начать завоевание Галлии. Одновременно происходило передвижение групп германцев под предводительством Ариовиста. В ходе этих событий гибнет целый ряд кельтских опидумов – в частности, Манхинг, на котором найдено большое количество наухаймских фибул [105, p. 24–25]. На опидумах, разрушенных позднее Манхинга, этих фибул в ранних слоях уже нет [58, s. 60–63].

Для ЛТ D₂ [58, s. 59–66, tabl. VII: 11–13] характерны фибулы вариантов M, N и O по Костшевскому (рис. 8: 17–19) и так называемые „фибулы бойев” (рис. 8: 20), представляющие собой дунайскую модификацию варианта O [13, с. 116–117]. Конец ЛТ D₂ синхронизируется с римской оккупацией Реции и Норика в 15 г. до н. э.

Ступень ЛТ D₃, имеющая уже чисто локальное хронологическое значение, прерывается около 6–15 гг. н. э., когда после подавления паннонско-далматинского восстания усиливается колониционная политика Рима на завоеванных ранее землях по границе Рейн–Дунай, а заключение мирного договора с Марободом открывает пути проникновения римского влияния и на территорию Германии Либера. На этом самостоятельное развитие кельтской культуры заканчивается. На большей части террито-

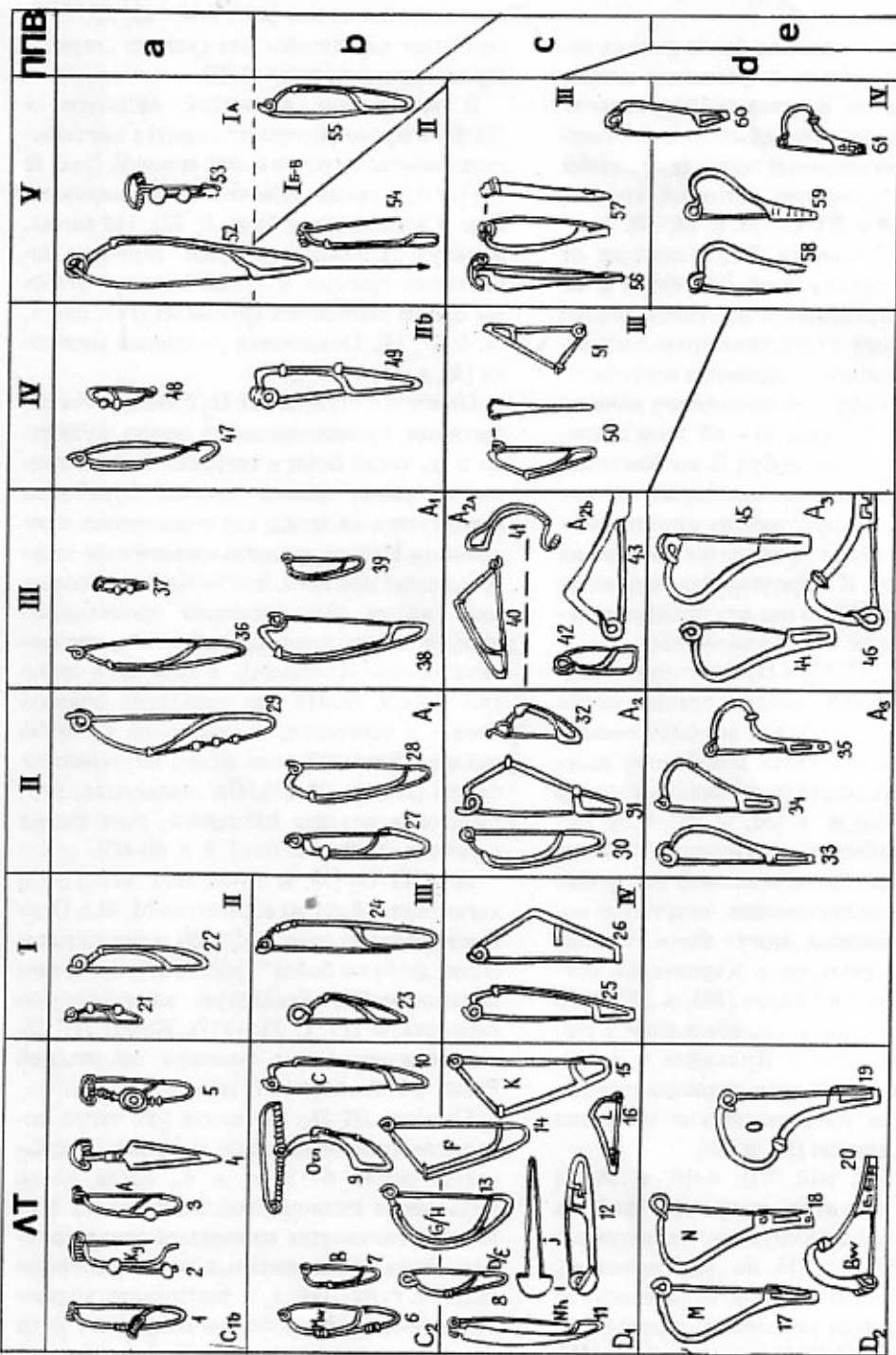


Рис. 8. Синхронизация фаз латенизированных культур со ступенями латена и позднего предримского времени (по Р. Волонгвиу, Г. Доманьскому, К. Годловскому, К. В. Каспаровой, Т. Домбровской с поправками авторов). I – губинская группа ясторфской культуры; II – пшеворская культура; III – оксывская культура; IV – наддерская группа ясторфской культуры; V – полесский вариант зарубицкой культуры

рии Европы начинается римское время (далее – РВ).

4. Некоторые замечания к проблеме синхронизации ЛТ и ППВ

В среднем и позднем ЛТ, параллельно с собственно кельтской культурой, существовал обширный круг латенизированных культур ППВ. Построению общей хронологии ППВ посвящена монография Р. Хахмана, изданная в 1961 г. и до сих пор остающаяся единственной работой такого рода [63]. Исследовав хронологию большого числа могильников с помощью корреляционного метода, Р. Хахман выделил раннюю, среднюю и позднюю фазы ППВ, подразделив их на более дробные ступени*. При их выделении он почему-то отказался от корреляционного метода сравнения фаз могильников, и поэтому его описание фаз ППВ [63, S. 231–240] явно проигрывает в строгости метода и точности группировки материала по сравнению с предшествующими главами книги.

Этот пробел нетрудно восполнить путем синхронизации фаз могильников по интеррегиональным типам вещей – т. е. в данном случае, по фибулам, поскольку остальные типы характерны для ограниченных территорий (табл. 1).

Синхронизация показала, что реальные группы фаз могильников, относительная хронология которых исследована Р. Хахманом, не совсем совпадают с выделенными им же фазами ППВ, а ведь именно эти группы и являются отражением относительного единства темпа культурных изменений и именно на их выделении должно основываться построение общей относительной хронологии ППВ.

Прежде, чем перейти к синхронизации фаз ППВ и ступеней ЛТ, необходимо от-

метить, что в последнее время были предложены два варианта синхронизации развития зарубинецкой культуры с этими ступенями относительной хронологии. Один из них принадлежит К. В. Каспаровой [13], на выводах которой мы во многом будем основываться в дальнейших рассуждениях, а второй – А. М. Обломскому [28; 29]. Последний полагает, что все ППВ, в том числе и фаза *a* по Р. Хахману, синхронизируется с поздним ЛТ [29, с. 116–117]. Аргументом в пользу такой синхронизации он считает отсутствие развернутой критики Р. Хахмана. Но в критике относительной хронологии ППВ Р. Хахмана до последнего времени необходимости не возникало, а вот в критике абсолютной хронологии Я. Филиппа не было недостатка.

В результате удревления хронологии то, что Я. Филип относил ко времени позднего ЛТ, оказалось относящимся ко времени ЛТ C_2 и даже C_1 , то есть к среднему ЛТ, что уже довольно давно является общепринятым [58, s. 22, 42–46; 17, с. 63; 18, с. 11; 13, с. 112]. Попытку А. М. Обломского вернуться к завышенной хронологии Я. Филиппа вряд ли можно признать успешной. Предложенная им относительная и абсолютная хронология фибул зарубинецкой культуры [29; 28, с. 7–9; 30] нуждается в значительной коррекции.

В настоящее время относительная и абсолютная хронология ЛТ существенно уточнена (рис. 1), что позволяет уточнить относительные и абсолютные даты фаз ППВ, границы которых скорректированы нами на основании исходного материала Р. Хахмана (табл. 1). Но при этом следует заранее оговориться, что предлагаемая синхронизация в какой-то мере условна, поскольку абсолютные даты ступеней ЛТ и фаз ППВ могут не совпадать полностью, и всегда возможны некоторые сдвиги в ту или иную сторону [13, с. 115].

Фаза *a* ППВ, для которой характерны фибулы с шариками на спинке (рис. 8: 2) и А по Костшевскому (рис. 8: 3), синхронизируется с ЛТ C_{1b} [43, Abb. 4: 30, 31] и может быть датирована временем около 225–190 гг. до н. э. (рис. 1).

* Польские исследователи для пшеворской и оксывской культур те же фазы называют ступенями A_1 , A_2 (объединяя в них фазы от *a* до *c* по Р. Хахману) и A_3 (фазы *d* и *e* ППВ). Выделяется также переходная к римскому времени фаза A_3/B_1 [91; 112]. О не очень удачном характере этой терминологии уже говорилось [37; 104].

Фазы мог.	Типы вещей															
	A	Kr	B	C	1	G/H	D/E	2	F	K	J	L	M/N	3	O	
Лангенхаген 1		+														
Каммер 2	+	+														
Рондсен А	+	a														
Вилянуп 1	+		+	+												
Каммер 3		+			+	+										
Киркбакен 1						b	+									
Каммер 4			+	+			+			+	+					
Вымыслово 2					+			+	+	+	+					
Вилянуп 2							+	+	+		+					
Рондсен 3							+	+	+							
Лангенхаген 2							+		+		+					
Рондсен 2									c	+		+				
Харсефельд 3															+	
Киркбакен 2															+	
Тоштедт 1															+	
Рондсен В										+	+			+		
Вилянуп 3												+		+		
Харсефельд 4												+		+		
Рондсен 4												+		+	+	
Рондсен С												+		+	+	
Вымыслово 3													+	+		
Тоштедт 2													+	e		
Харсефельд 5a															+	
Ступени ЛТ	C _{1b} /C ₂			C ₂ -D ₁				D ₁			D ₂					
Фазы по Р. Хахману	a			b				c			d-e					

Табл.1. Синхронизация фаз могильников позднего предримского времени, выделенных Р. Хахманом, - по типам фибул; латинскими буквами обозначены типы фибул по Й. Костшевскому; 1 - круглые поясные крючки, 2 - шарнирные поясные крючки, 3 - луновидные бритвы

Фибулы В, С и G/H по Костшевскому (рис. 8: 7, 10, 13), характерные для фазы *b* (табл. 1), позволяют синхронизировать ее с ЛТ С₂ [58, s. 43–44] и датировать приблизительно 200/180–120 гг. до н. э. (рис. 1). О синхронизации этой фазы с ЛТ С₂ и о датировке ее по находкам ручек родосских амфор на селищах типа Поянепти–Лукашевка речь уже шла выше.

Фаза *c* характеризуется фибулами D/E, F, K по Костшевскому (табл. 1; рис. 8: 8, 14, 26) ступени ЛТ D₁ [58, s. 58] и датируется, соответственно, 120–60 гг. до н. э. (рис. 1).

Фазы *d* и *e* сходны по фибулам: и в той, и в другой есть варианты M, N и O по Костшевскому (рис. 8: 17–19, табл. 1). Но для фазы *d* характерны также варианты J и L, которых нет в фазе *e* (рис. 8: 12, 16), а количество фибул варианта O в фазе *d* сравнительно невелико [см. 63, Abb. 10]. Таким образом, фаза *d* может быть синхронизирована с концом ЛТ D₁ – ЛТ D₂ [58, s. 58–59], скорее всего, без самого позднего отрезка последней, что соответствует примерно 70/60–30/20 гг. до н. э. Фаза *e* синхронизируется со ступенью ЛТ D₂, т. е. приблизительно с 60–15 гг. до н. э. (рис. 1). Таким образом, получается, что эти две фазы в значительной степени перекрывают друг друга и предстоит еще разобраться в причинах этого явления.

Фазы ППВ от *a* до *e* очерчивают лишь время его существования в целом как глобального явления. Фазы отдельных могильников иногда выходят за эти рамки. Так, в ряде могильников есть фазы, следующие по корреляции после фазы *e*. Если их объединить, то можно выделить фазу *f* ППВ, которая наиболее ярко представлена погребениями фаз 5b могильника Харсефельд и II могильника Гроссромштедт [63, Abb. 36, 48].

В связи с этим нельзя не вернуться к дискуссии о хронологии могильника Гроссромштедт. Р. Хахман в специальной статье [64] разделил его погребения на две фазы, опираясь в основном на распределение погребений с теми или иными признаками по территории могильника. В монографии же основное внимание уделено автором уже

корреляциям типов вещей [63, Abb. 36, S. 102–112]. Р. Кристлейн, справедливо критикуя Р. Хахмана за излишнее увлечение методом горизонтальной стратиграфии при исследовании хронологии, показал, что развитие могильника с севера на юг, предложенное Р. Хахманом, может быть изменено на противоположное, так как в южной части есть ряд несомненно ранних погребений [45].

С тем, что горизонтальная стратиграфия не дает точных хронологических результатов, несомненно, следует согласиться, как и с критикой Р. Кристлейном завышенной абсолютной хронологии Р. Хахмана. Но Кристлейн оспаривал направление корреляционной последовательности погребений, предложенное Р. Хахманом, а не саму эту последовательность, она может оказаться и правильной. Поэтому мы решили „испытать на прочность” относительную хронологию, предложенную Р. Хахманом, с несколько неожиданной стороны.

Фаза *f* ППВ, выделяемая нами, по своему промежуточному положению между эпохами ЛТ и РВ характеризуется постепенным исчезновением латенских традиций и все более ощутимым нарастанием провинциально-римского влияния. Поэтому изучение распределения ранних римских импортов, в частности, бронзовой посуды, в погребениях латенизированных культур играет немалую роль.

Большая часть бронзовой посуды собрана и опубликована Х.-Ю. Эггерсом [52]. Мы выбрали из его каталога те импорты, которые обнаружены в закрытых комплексах с латенскими фибулами. По фибулам они легко синхронизируются со ступенями ППВ, а в ряде случаев находки происходят из тех могильников, хронология которых исследована Р. Хахманом, что позволяет синхронизировать их с ППВ на основании табл. 1 и расположить в хронологической последовательности (табл. 2).

Самыми ранними оказались котлы типа Эггерс-4 (E-4) (рис. 9: 7), обнаруженные в погребениях с фибулами K по Костшевскому фазы *c* ППВ, и ситула латенского типа E-20 (рис. 9: 1) из погребения в Опалене, где была обнаружена фибула D/E по

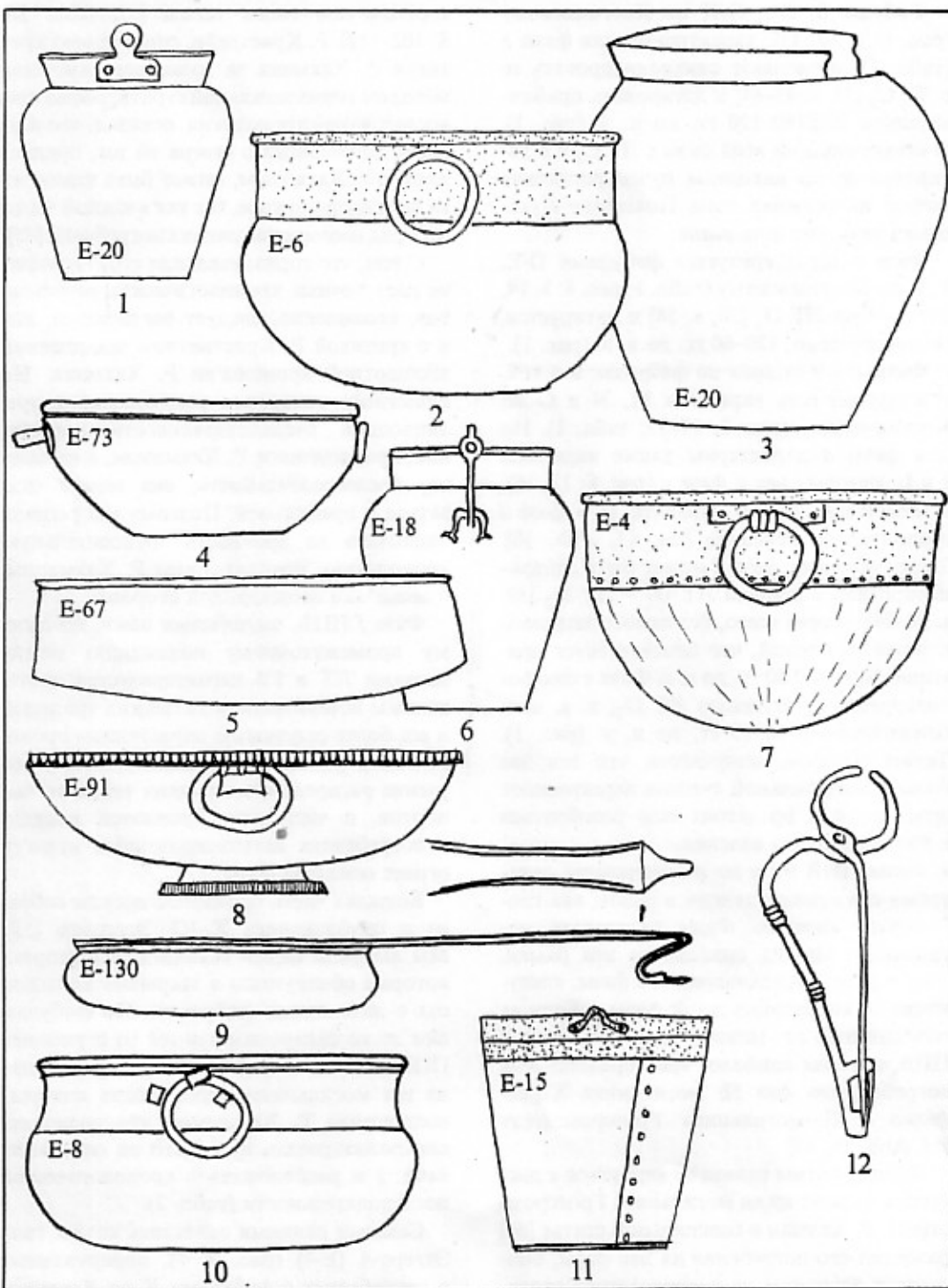


Рис. 9. Типы ранних римских импортов в комплексах позднего предримского времени с фибулами (по Х.-Ю. Эггерсу)

№ по кат. Эггерса	Комплекс	Тип Эггерса	Фибула	Фаза могильника по Р.Хахману	Фаза ППВ
2126	Опаление, погр.	20	D/E	-	c
43	Крагхеде, погр. 69	4	K	-	
986	Харсефельд, погр. 19	6	K	3	
992	Харсефельд, погр. 131	67	K	3	
991	Харсефельд, погр. 126	73	лангоб.	3	
994	Харсефельд, погр. 136	18	"-	3	
543	Лилла Сойведе, погр.	91	J	-	
2160	Рондсен, погр. 447	67	M	4	d-e
985	Харсефельд, погр. 18	6	поздн.	4	
995	Харсефельд, погр. 141	67	M	4	
2153	Рондсен, погр. 1/1883	18	поздн. лат.	-	
848	Неуплотцин, погр. 76	18	M	-	
642	Вармхоф-Аббау, погр.	4	поздн. лат.	-	
893	Керхов, погр. 20	18	поздн. лат. A.1.10	-	
896	Керхов, погр. 35	67	поздн. лат.	-	
996	Харсефельд, погр. 137	8	поздн. лат.	5a	e
997	Харсефельд, погр. 164	8	"-	5a	
787	Готч, погр.	18	O	-	
1628	Гроссромштедт, погр. 41/1911	130 6	поздн. лат.	1	
988	Харсефельд, погр. 21	8	-	5b	f
989	Харсефельд, погр. 26	8	A.II.26	5b	
1623	Гроссромштедт, погр. 25/1909	15	бойев	II	
1631	"- , погр. 1926	8	поздн. лат.	II	
1620	"- , 63/1908	8	поздн. лат.	II	
1619	"- , 46/1908	8	-	II	

Табл. 2. Римская бронзовая посуда в комплексах позднего предримского времени с фибулами (по X.-Ю. Эггерсу)

Костшевскому той же фазы. К фазе *c* относится еще целый ряд типов (Е-6, 67, 73, 18, 91) (рис. 9: 2, 4-6, 8), обнаруженных в комплексах с фибулами К и J по Костшевскому и так называемыми „лангобардскими“. Особенно много их в погребениях фазы 3 могильника Харсефельд по Р. Хахману (табл. 2).

Многие из типов, характерных для фазы *c* ППВ, продолжают существовать позднее и обнаружены в комплексах фаз *d* и *e* ППВ (Е-4, 6, 18, 67), о чем свидетельствуют их находки в погребениях с „позднелатенскими“ фибулами и вариантами М-Н по Костшевскому, в том числе и в фазе 4 Харсефельда (табл. 2).

В погребении в Готче, по фибуле варианта О синхронизирующемся с фазой *e* ППВ (табл. 1), обнаружен ковш Е-130 (тип Айлесфорд) (рис. 9: 9). Два новых изделия – котлы Е-8 (рис. 9: 10) найдены в погребениях фазы 5а Харсефельда, а Е-6 – в погребении 41/1911 фазы I Гроссромштедта (табл. 2). Это самая поздняя находка такого изделия: такие котлы появились еще в фазе *c* (см. выше).

Следующая группа импортов представлена лишь двумя типами: продолжают существовать Е-8 и появляется один новый тип – ведерки Е-15 (рис. 9: 11), причем все эти находки сделаны в погребениях фаз 5b Харсефельда и II Гроссромштедта, т. е. синхронизируются с фазой *f* ППВ [63, S. 102-112].

К находкам, собранным Х.-Ю. Эггерсом, можно добавить после выхода книги Т. Домбровской [46] еще несколько импортных сосудов. Это Е-20 с фибулой К по Костшевскому в Зубовицах, Е-19 с лангобардской фибулой в погребении 281 в Путенсене, Е-122 из Олт-Мёлона с фибулой варианта К. Все эти находки синхронизируются с фазой *c* ППВ. С фазами *d* и *e* может быть связана находка кувшина Е-122 в Семенице в комплексе с фибулой Альмгрен 18 и ряд других [46, s. 210-212]. Все эти дополнения не изменяют существенно таблицы, составленной по данным Х.-Ю. Эггерса, а лишь дополняют ее.

Таким образом, погребения фаз *d* и *e* ППВ с римской посудой датированы позднелатенскими фибулами М-О по Костшевскому ЛТ D₂, а фазы *f* – фибулами бойев, являющимися вариацией варианта О, и „geschweiftefibeln“ с треугольной ножкой, которые, вероятно, несколько позднее [105, part II, ill. 4: 11-12, 16, 20, 36]. Ведерки Е-15 появляются к северу от Альп позднее котлов Е-4 и Е-8 и существуют дольше [46, S. 212-213].

Итак, если судить по распределению римской посуды в комплексах с фибулами в западной части круга латенизированных культур ППВ, хронология могильника Гроссромштедт, предложенная Р. Хахманом, верна, а „обратное“ ее направление, предлагаемое Р. Кристлейном, вряд ли может быть признано возможным.

Единичные находки ранних римских импортов известны и на восточных территориях, занятых латенизированными культурами – в Поднестровье и Поднепровье. Это „латенские ситулы“, близкие Е-20, из Сипотен (рис. 9: 3), которые по фибуле В по Костшевскому [33] могут быть синхронизированы с фазой *b* ППВ. Именно с этой фазой, по-видимому, следует связать и находки аналогичных ситул в Марьевке и Субботове [24; 32; 34].

Датировка последней из них римским временем М. Б. Щукиным [105, p. 303] ошибочна. При первом знакомстве с сосудом из Субботова показалось, что на нем есть следы от железного листовидного атташе, характерного для сосудов Е-38 варианта Тингфоль, датирующихся ступенями В₁ и В₂ РВ. Однако повторное внимательное изучение сосуда, хранящегося в Киевском ГИМ, показало, что такие следы отсутствуют.

В этом случае субботовская ситула, наряду с марьевской и сипотенскими, может быть отнесена к типу Баргфельд, хорошо представленному в находках II в. до н. э. на территории Югославии [42]. Все эти находки могут являться еще одним свидетельством походов бастарнов на Балканы.

К более позднему времени относится находка „щипцовой“ фибулы в погребении

152 в Чаплине (рис. 9: 12) – деривата изделия ступени A_1 РВ, синхронной фазе d ППВ [16, с. 9]. Остальные находки сделаны уже в комплексах РВ: фаза f ППВ в зарубинецкой культуре представлена в большей степени переживающими латенскими вещами, чем появляющимися раннеримскими [9], а на поянешти-лукашевской территории эта фаза не представлена вовсе.

В шневорской и оксывской культурах переход к РВ начинается на ступени B_{1a} , т. е. в первых десятилетиях I в. н. э. [57; 59, с. 35–42; 46, с. 50–51], а в зарубинецкой он фиксируется памятниками горизонта Лютеж–Рахны–Почеп, наиболее ранние вещи которого могут быть датированы именно РВ B_{1a} , хотя закрытые комплексы и относятся к несколько более позднему времени [36; 105, part II, ill. 22–23, p. 302–313]. Но, в отличие от шневорской и оксывской культур, где могильники продолжают существовать непрерывно с эпохи ЛТ (в них выделяется фаза A_3/B_1 , переходная к РВ, которая может быть синхронизирована с фазой f ППВ [46, с. 62; 59, с. 35; 112], в Поднепровье происходит дискретное изменение культурной традиции, сопровождаемое сменой мест обитания и прекращением жизни на всех ранних памятниках. Не исключено, что это означает прекращение использования „классических“ зарубинецких могильников еще до появления изделий РВ B_{1a} , т. е. на рубеже эр, одновременно с усилением давления сармат в Среднем Поднепровье [23, с. 25], новая волна которых докатывается до Дуная в 16 г. до н. э. [38, с. 70].

В пользу этого свидетельствует и то, что поздняя дата латенских фибул шневорской культуры, на которой держится верхняя дата культуры зарубинецкой, уже дважды удревнявшаяся К. В. Каспаровой [14; 16], снижена Т. Домбровской именно до этого времени [46, с. 50–51, 62], и новая передатировка конца зарубинецкой культуры вряд ли заставит ждать долго.

Нельзя не отметить, что такая передатировка не меняет сути событий I в. н. э. в Поднепровье, реконструкция которых дана в серии статей М. Б. Щукина, но все же „растягивает“ их во времени. Вместо одно-

разового сокрушительного набега сарматов в 49 г. н. э. можно представить себе процесс постепенного вытеснения и подчинения ими носителей зарубинецкой культуры приблизительно между 16 г. до н. э. и 49 г. н. э.

Окончательное выклинивание остаточных латенских традиций в латенизированных культурах ППВ происходит несколько позже, одновременно с появлением фибул Альмгрен-53, 57/57 [84; 85; 113; 14; 13, с. 117; 16, с. 8]. Таким образом, фаза f ППВ началась с концом ЛТ D_2 , т. е. около 15 г. до н. э. (рис. 1)* и продолжалась на разных территориях разное время, вплоть до начала римского времени. Поскольку оно оканчивается „растянуто“ от РВ B_{1a} до B_{1c} , позднюю дату фазы f можно предложить в виде интервала от начала эры до 40-х гг., когда римские традиции начинают господствовать повсеместно, но с акцентом все-таки на нижнюю границу этого интервала.

5. Некоторые перспективы и задачи исследования

Предложенная нами картина современного состояния хронологии восточного ЛТ и ППВ, несомненно, будет изменяться, а может быть, изменится уже и к моменту выхода этой статьи. Обуславливается это двумя причинами.

Во-первых, поскольку абсолютные даты фаз ППВ определены через синхронизацию их со ступенями ЛТ (исключение составляют лишь две ранние фазы, a и b , датировку которых проясняют находки амфорных клейменных ручек на зарубинецких и поянешти-лукашевских поселениях), уточнение датировок последних приведет и к необходимости пересмотра дат первых.

Можно даже предвидеть, в каком направлении пойдет этот процесс, поскольку тенденция к удревнению ступеней латена

* Находки вещей ЛТ D_3 на территории, занятой латенизированными культурами, практически неизвестны, и применение названия этой ступени к самым поздним комплексам культур ППВ не только приводит к терминологической путанице, но и не позволяет адекватно обозначить саму суть перехода от ППВ к РВ.

вот уже около двадцати лет имеет устойчивый характер. Скорее всего, снижение начальных дат ступени ЛТ С_{1b} до середины III в. до н. э., ЛТ С₂ – до рубежа III–II вв. до н. э., ЛТ D₁ – до середины II в. до н. э., ЛТ D₂ – до 70-х гг., начала РВ – до рубежа эр, не заставит себя долго ждать.

Правда, при этом возможны и „персигибы“, как это было с омоложением датировок Я. Филипом и его последователями, поскольку всякий процесс имеет свою собственную, мало зависящую от исследователей инерционность. Чрезмерное удревнение датировок, возможно, приведет затем к необходимости очередной их коррекции, хотя она вряд ли будет значительной, поскольку имеются дендрохронологические определения, жестко закрепляющие всю систему относительной хронологии на нескольких точно определенных абсолютных датах. Все эти процессы, несомненно, скажутся и на датировках фаз ППВ.

Во-вторых, поскольку даты фаз ППВ могут не совпадать полностью с датами ступеней ЛТ, необходим поиск непосредственных выходов относительной хронологии ППВ на абсолютные даты. Здесь многое может прояснить исследование комплексов ППВ с античными импортами, в частности, с римской бронзовой посудой и монетами. Определенные материалы для такого исследования могут дать, в частности, хронологические разработки северониталийских могильников Орнавассо, уже сделанные Е. Грау [62], и использование находок ряда вариантов латенских фибул в кладах „дакийского серебра“ с монетами [70], но это тема специальных работ будущего.

Затем, по-видимому, станет возможным обобщение полученных данных по абсолютной хронологии фаз ППВ наподобие того, что проделано нами по отношению к датировкам ЛТ. Нельзя исключать и возможность обнаружения новых материалов в ходе полевых исследований, равно как и выделение новых хронологических индикаторов.

Авторы считают, что при условии применения относительной хронологии даже небольшое число точно датированных вещей

и комплексов позволит создать надежную систему восточноевропейской хронологии раннего железного века, легко проверяемую и соотносимую с хронологией других регионов, и надеются, что предлагаемая статья послужит посильным вкладом в ее создание.

1. Амброс А. К. Фибулы зарубинецкой культуры//Зарубинецкая культура. – М., 1959. – (МИА, № 70).
2. Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР. – М., 1966. – (САИ, вып. Д–30).
3. Бадалянц Ю. С. Новые хронологические свидетельства личных имен на родосских амфорах//СА. – 1980. – № 2.
4. Блаватская Т. Д. Западноонтийские города в VII – I вв. до н. э. – М., 1952.
5. Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н. э. – Античный город. – М., 1963.
6. Всеобщая история архитектуры. – М., 1949. – Т. II, кн. 1.
7. Гудкова А. В., Фокева М. М. Поселение и могильник римского времени Молога II//Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. – Киев, 1982.
8. Ерёмко В. Е. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени и сложение зарубинецкой культуры: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Л., 1990.
9. Ерёмко В. Е., Журавлев В. Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры//Проблемы хронологии эпохи Латена в Римского времени (ПАВ 1) – СПб, 1992.
10. Ерёмко В. Е., Журавлев В. Г., Каргапольцев С. Ю., Абезгауз Г. Г. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры//Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени (ПАВ 1). – СПб, 1992.
11. Жигулин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220-х гг. до н. э. – Казань, 1980.
12. Карышковский П. О. Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н. э.//ВДИ. – 1971. – № 2.
13. Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена//АСГЭ. – 1984. – [Вып.] 25.
14. Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Полесья//СА. – 1976. – № 3.
15. Каспарова К. В. О фибулах зарубинецкого типа//АСГЭ. – 1977. – [Вып.] 18.

16. Каспарова К. В. Поздняя дата зарубинецких могильников//Культуры Восточной Европы I тысячелетия. - Куйбышев, 1986.
17. Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры//СА. - 1981. - № 2.
18. Каспарова К. В. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья (по материалам могильников): Автореф. дис.... канд. ист. наук. - Л., 1981.
19. Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Шулкин М. Б. (Рец.). *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, 1973, 1974//СА. - 1976. - № 4.
20. Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. - М., 1964. (САИ Д1-19).
21. Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. - М., 1961. - (САИ Д1-29).
22. Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей в Восточной Европе//СА. - 1959. - № 1.
23. Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории Украинской ССР. - Киев, 1982.
24. Максимов Е. В. Памятники зарубинецкого типа в Субботове//КСИА. - Киев, 1960. - Вып. 9.
25. Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. - Киев, 1972.
26. Мачинский Д. А. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Пояншты-Лукашевка//Археология Старого и Нового Света. - М., 1966.
27. Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры//КСИА. - М., 1960. - Вып. 107.
28. Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: Автореф. дис.... канд. ист. наук. - М., 1983.
29. Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры//СА. - 1983. - № 1.
30. Обломский А. М. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным шитком (так называемых зарубинецких)//Ранний железный век. - М., 1986. - (КСИА, вып. 186).
31. Пачкова С. П., Романовская М. А. Население Карпато-Днестровского региона I тысячелетия до н. э.//Славяне на Днестре и Дунае. - Киев, 1983.
32. Самойловский И. М. Субботовский могильник//КСИА. - Киев, 1960. - Вып. 9.
33. Сергеев Г. П. Находки медных сосудов в Молдавии//Известия Молдавского филиала АН СССР. - Кишинев, 1956. - № 4.
34. Симоненко О. В. Пизьоский комплекс з с. Мар'івка Миколаївської області//Археологія. - 1986. - Вып. 55.
35. Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии нашей эры. - М., 1960. - (МИА, № 89).
36. Шулкин М. Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования//Культуры Восточной Европы I тысячелетия. - Куйбышев, 1986.
37. Шулкин М. Б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений)//АСГЭ. - 1991. - Вып. 31.
38. Шулкин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днестра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе//СА. - 1989. - № 1.
39. Alexandrescu A.-D. Mormintele din perioada mai ūrzie a necropolei getice de la Zimnicea, jud. Teleorman//Crisia; Culegere de materiale și studii. - Oradea, 1972.
40. Babeș M. Date arheologice și istorice privind partea de nordest a Daciei în ultimele secole înainte erei noastre//SCIVA. - 1985. - Т. 36, п. 3.
41. Benadik B. Grafitová keramika v laténských hrobach na Slovensku//Slovenská archeológia. - 1961. - Т. 10.
42. Břešac D. Antično bronasto posodje Slovenskije//Situla. - 1982. - 22/1.
43. Bujna J. Spiegelung der Sozialstruktur auf Laténezeitlichen Grabfelder im Karpatenbecken//PA. - 1982. - Ř. LXXIII, Č. 2.
44. Bulkin V. A., Klejn Leo S., Lebedev G. S. Attainments and Problems of Soviet Archaeology//World Archaeology. - 1982. - V. 13, n. 3.
45. Christlein R. Daterungsfragen der spätlaténezeitlichen Brandgräber Südbayern//BVb. - 1964. - Bd 29.
46. Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. - Warszawa etc., 1988.
47. Dänner H.-W. Die bemalte Keramik der Heuneburg//Römisch-Germanischen Forschungen. - 1978. - Bd 37.
48. Dechelette J. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine. - Paris, 1914. - Т. 11.
49. Dechn W., Frey O.-H. Southern Imports in the Hallstatt and Early La Tène Chronology of Central Europe/Italy Before the Romans. - London, 1979.
50. Domaradzki M. Présence celtic en Thrace au début de l'époque hellénistique (IV^e-III^e siècles av. n. e.)//Actes du II^e Congrès International de thracologie. - București, 1980.
51. Duval A. Les systèmes chronologiques de l'âge du Fer en Gaule Tempérée//Le temps de la préhistoire. - Т. I.

52. *Eggers H.-J.* Der römische Import im Freien Germanien. - Hamburg, 1951.
53. *Filip J.* Keltische Emailarbeiten aus Böhmen und Mähren. - Altböhmen und Altmähren. - Praha, 1943. - Bd 2.
54. *Filip J.* Keltové ve střední Evropě. - Praha, 1956.
55. *Gersbach E.* Die Paukenfibeln und die Chronologie der Heuneburg bei Hundersinger-am-Donau//Fundberichten aus Baden-Württemberg. - 1981. - Bd 6.
56. *Glodariu I.* Dacian Trade with the Hellenistic and Roman World//BAR, Suppl. Ser., - 1976. No 8.
57. *Godłowski K.* Das Gräberfeld in Kryspinow bei Krakow und seine Bedeutung für den Übergang zwischen der Latène und der römischen Kaiserzeit in Kleinpolen//Symposium Ausklang der Latenezivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im Mittleren Donagebiet. - Bratislava, 1977.
58. *Godłowski K.* Okres laterński w Europie. - Kraków, 1977.
59. *Godłowski K.* Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszyim okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. - Wrocław etc., 1985.
60. Goldschätze der Thraker: Thrakische Kultur und Kunst auf bulgarischen Boden. Katalog der Ausstellung. - Wien, 1975.
61. *Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh.* Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja//Dacia. - 1969. - T. XIII.
62. *Graue J.* Die Gräberfelder von Ornavasso//HWA. - 1974. - Bd 1.
63. *Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit//BRGK. - 1961. - Bd 41.
64. *Hachmann R.* Die Gliederung des Gräberfeldes von Groß Romstedt//Archaeologia Geographica. - Hamburg, 1950. - Bd 1.
65. *Haevnik T.-E.* Die Glasarmringe und Rfngperlen der Mittel- und Spätlatènezeit auf dem Europäischen Festland. - Bonn, 1960.
66. *Haffner A.* Zur absoluten Chronologie der Mittelatènezeit//AK. - 1979. - Bd 9, Hf 4.
67. *Hatt J.-J., Roualet R.* La chronologie de La Tène en Champanie. - Epemay, 1976.
68. *Hodson F.-R.* La Tène Chronology, Continental and British//Bulletin of the Institut of Archaeology. - London, 1964. - T. 4.
69. *Hodson F.-R.* The La Tène Cemetery at Münsingen-Rain. - Bern, 1968.
70. *Horedt K.* Die dakische Silberfunde//Dacia. - 1973. - T. XVII.
71. *Jacobstahl P.* Early Celtic Art. - Oxford, 1944.
72. *Joffroy R.* Le tombe de Vix (Côte d'Or). - Paris, 1954.
73. *Joffroy R.* Le trésor de Vix. - Paris, 1962.
74. *Kelling H.* Ein Urnengrab mit Kugelfibel aus der jüngeren vorrömischen Eisenzeit von Schönbeck, Kr. Strasburg//AuF. - 1970. - Bd 15.
75. *Kollmann J.* Zu den Maskenfibern der Frühlatènezeit//Sudeta, 1937. - T. XIII.
76. *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur in der Spätlatènezeit. - Leipzig, 1919.
77. *Krämer W.* Keltische Hohlbukelringe von Isthmus von Korinth//Germania. - 1961. - Jg. 38.
78. *Kruta V.* Duchcov-Münsingen: nature et diffusion d'une phase laténienne//Les mouvements celtiques du V^e au I^{er} s. av. n. e. - Paris, 1979.
79. *Kruta V.* Le trésor de Duchcov: dans les collections tchécoslovaques. - Ústí nad Labem, 1971.
80. *Kruta V.* Le casque d'Amfreville-sous-les-Monts et quelques problèmes de l'art du IV s. av. n. e.//EC. - 1978. - T. 15.
81. *Kruta V.* Les Boiens de Cispadagne: essai de paléoeethnographie celtique//EC. - 1980. - T. 20.
82. *Kruta V.* Les Celtes. - Paris, 1979.
83. *Kruta-Poppl L.* La sépulture de Ceretolo (Province de Bologne) et le faciès Boien du III^e s. av. n. e.//EC. - 1979. - T. 19.
84. *Liana T.* Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim//WA. - 1970. - T. 35.
85. *Liana T.* Kształtowanie się stylu B₁ w kulturze przeworskiej//ZNUJ. - 1976. - Prace archeologiczne, z. 22.
86. *Marič Z.* Keltski elementi u mladem željeznom dobu Bosne i Hercegovine//GZM. - 1963. - Sv. 18, № 5.
87. *Megaw J.-V.-S.* Art of the European Iron Age: a Study of the Elusive Image. - Bath, 1970.
88. *Megaw J.-V.-S.* Cheshire Cat and the Mickey Mouse: Analysis Interpretation and the Art of the La Tène Iron Age//Proceedings of Prehistoric Society. - 1970. - T. XXXV.
89. *Megaw J.-V.-S.* Style and Style Grouping in Continental Early La Tène Art//World Archaeology. - 1972. - T. 3, No 3.
90. *Navarro J.-M., de.* The Finds from the Site of La Tène I: Scabbards and the Swords Found in Them. - London, 1972.
91. *Niewęglowski A.* Obrządek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przełomie er. - Wrocław etc., 1981.
92. *Paret O.* Das Kleinaspergl// Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. - 1943-1948. - Bd 17.

93. *Pauli L.* Untersuchungen der Späthallstattkultur in Nordwürttemberg//HBA. - 1972. - Bd 2, Hf. I.
94. *Peschel K.* Fibeln mit Spiralfuß//ZfA. - 1972. - Bd 6.
95. *Petres É.-F.* Some Remarks on Anthropoid and Pseudoanthropoid hilted daggers in Hungary//Les mouvements celtiques de V^e au I^{er} s. av. n. e. - Paris, 1979.
96. *Polenz H.* Gedanken zu einer Fibel vom Mittellatèneschema aus Kayseri in Anatolien//Böner Jahrbücher. - 1978. - Bd 178.
97. *Polenz H.* Münzen in Latènezeitlichen Gräbern Mitteleuropas aus der Zeit zwischen 300. und 50. v. Chr. Geburt//BvB. - 1982. - Jg. 47.
98. *Polenz H.* Mittel- und Spätlatènezeitliche Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main//Studien und Forschungen. - 1971. - Hf. 4.
99. *Powell T.-G.-E.* The Celts. - London, 1980.
100. *Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Dan Basin//BAR, Internat. Ser. - 1986. - № 278.
101. *Reinecke P.* Zur Kenntniss der La-Tène Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen//Festschrift der Römische-Germanische Zentralmuseum zu Mainz. - 1902.
102. *Rochna O.* Zur Herkunft der Manchingers Sapropelit-Ringe//Germania. - 1961. - Jg. 39, Hf. 3/4.
103. *Schiering W.* Zeitstellung und Herkunft der Bronzesitula von Waldalgesheim//HBA. - 1975. - Bd 5, Hf. I.
104. *Štükín M. B., Eremenko W. E.* Die keltischen Altertümer in Transkarpaten Gebiet der Ukraine und einige Probleme der Latène-Chronologie//AAC. - 1991. - XXX.
105. *Štchukín M. B.* Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe in I-st Century B. C. - I-st Century A. D.//BAR, Internat. Ser. - 1989. - №. 542.
106. *Szabó M.* Une fibule celtique à Délos//BCH. - 1971. - T. 95.
107. *Todorovič J.* Klasifikacija keltskych štítov otkrivenich u Dolnoj Panoniji i na Balkanskom Polyostrovu//Vestnik Voinogo muzeja JNA. - 1966. - T. 11-12.
108. *Todorovič J.* Skordisci: istorija i kultura. - Beograd, 1974.
109. *Waldhauser J.* Beitrag zum Studium der keltischen Siedlungen, Oppida und Gräberfelder in Böhmen//Les mouvements celtiques du V^e au I^{er} s. av. n. e. - Paris, 1979.
110. *Waldhauser J.* Keltische Gräberfelder in Böhmen//BRGK. - 1987. - Bd 68.
111. *Werner J.* Die naeheimer Fibeln//Werner J. Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanien. - München, 1979.
112. *Wołgiewicz R.* Kultury oksywka i wielbarska//Prahistoria ziem polskich. - Warszawa etc., 1981. - T. V.
113. *Wołgiewicz R.* Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju//Archeologia Polski. - 1970. - T. XV, Z. I.
114. *Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. - Wrocław etc., 1974.
115. *Zahlhaas G.* Der Bronzeimer von Waldalgesheim//HBA. - 1971. - Bd I, Hf. 2.
116. *Zirra V.* À propos de la presense des éléments laténiens sur la rive occidentale de la Mer Noire//Les mouvements celtiques du V^e au I^{er} s. av. n. e. - Paris, 1979.
117. *Zürn H.* Zur Übergang von Späthallstatt zu Latène A im Südwestdeutschen//Germania. - 1952. - Jg. 30.